

Антология современной поэзии

Многомоче...

Выпуск 11

2010

Многоточие...

Выпуск 11

2010

Добрый день!

За пять лет своего существования антология современной поэзии «Многоточие...» впервые издается весной. Данному выпуску предшествовала долгая и тщательная подготовка, благодаря чему в этом выпуске вы сможете найти для себя много новых авторов, а также большую подборку произведений лауреата ежегодной литературной премии «Автор года» литобъединения «Многоточие...». По итогам 2009 года обладателем данной премии стал Сергей Ворошилов. Многие из любимых читателей произведений вы сможете найти на страницах этого весеннего выпуска.

С уважением и наилучшими пожеланиями,
составитель сборника «Многоточие...»

Сергей Глухов

Ольга Абайкина

г. Москва, Россия

Из старого

Мне узнать бы... Узнать, как ты

Мне узнать бы... Узнать, как ты
Собираешься душу сжечь,
Я судьбе подпилю костыль,
И обломки заброшу в печь...

Пусть не ходит по пустырям,
И не просится ко двору,
А взамен свои крылья дам,
С кровью, болью их отдеру.

Мне б увидеть... Позволь, как ты,
Вдоль спины принимаешь плеть –
Во хмелю, иль от наркоты
Собираешься умереть.

Я пространство совью в спираль
Неземных, небывалых ласк
Масло рока пронзив, как сталь
Рецептур, что забыл Дамаск.

Мне бы веры твоей клочок
Из засушенных трав в стогу,
Я не черт, не пророк, не Бог –
Я убить и спасти могу.

Но взамен... Плата так мала –
Ненаписанных слов тетрадь
И перо моего крыла,
Чтоб во сне я могла летать.

Из цикла «Бредущая По Граблям»

Я не смирилась, не ропща

Я не смирилась, не ропща,
Слова на выдохе шкварчат.
Май в долговою, как праща,
Кидает ворохи скворчат.

Напоминая: быть добру,
И с пользой проводя досуг,
В траве я слётка подберу
И водружу его на сук.

Победа жизни на кону.
Под стрекотание скворца
Кредит доверия верну,
Спасая глупого птенца.

Потерь истёршийся хомут
Привычно жмёт, а юный зверь
Ласкаясь, верует: поймут.
Живи, люби сейчас, теперь.

Ввысь без страховки и перил
Метнулась поплавком к лещу
Душа к Тому, Кто мир творил:
Длись! Сохрани! Спаси! Прощу!

Приходишь ты, а я тебя браню

Приходишь ты, а я тебя браню:
Не в силах разомкнуть судьбы объятия,
Как пепел по потухшему огню,
Утратив честь, скорблю о мятом платье.

Уходишь ты, и я тебя гоню:
Очнувшись после редкого набега,
Я сокрушаюсь, словно по коню
Сорвавшемуся старая телега.

Дум целину легко пробороню
Словами добрыми ли, злыми, как придётся,
Попытки пресекая на корню
Вернуть тебя – моей планиды солнце.

За то, что был несчастным пёс

За то, что был несчастным пёс,
Чьё место в сердце юный занял,
Хочу, чтоб он не просто рос,
А сдал за нас двоих экзамен

На званье баловня судьбы,
Хранимого самой Фортуной,
Чьи похвалы порой грубы,
Как старой деки звук латунный.

И пусть я изредка всплакну,
Знакомя нового с разливом
Вертлявой речки, на кону
Стоит возможность стать счастливым.

Пусть он моих не видит слёз,
Когда о прошлом я поплачу,
Как тот отважно службу нёс,
Так этот пусть несёт удачу.

И начиная всё с нуля,
Пусть карта выпадет другая,
Чтоб сны смотрел пёс не скуля,
А звонко и с восторгом лая.

На склоне лет крутом иль на пологом

На склоне лет крутом иль на пологом
Мы, возвращаясь мыслью к тем годам,
Когда о вечном говорят не с Богом,
А с теми, кто вещает: «Всё отдам!»,

Ошибки их невольные стираем,
Прощая за просроченный кредит,
И называя бытность «просто Раем»,
Молчим о том, что сердце бередит.

Да, и себя мы редко судим строго:
Посредственности скромные дела
Взимают дань подушного налога...
Но вдруг пронзит, как ржавая стрела:

А если то, что было под запретом,
То перед чем остались мы в долгу,
Пустить по склону лет за недопетым
В кошмарный ад, приснившийся врагу;

Где на сеансах по блатным билетам,
Увидев мать, родившую Кузьму,
Не выбирая между тьмой и светом,
Пообещаем: «Я своё возьму!»?

*«Печальной ветхости картина.
Ах, витязь, то была Наина!..»*

«Руслан и Людмила» А. Пушкин

*«ОЙ, ЦВЕТЕТ КАЛИНА»
М. Исаковский*

Нет, заявив, созвездья мандарина

Нет, заявив, созвездья мандарина,
Ты целовал меня под сенью звёзд,
Не веря в плач мой про «цветёт калина»,
В том был до слёз и искренен, и прост.

Была и я наивна и невинна
От нежных пяток до корней волос
И говорила сбивчиво и длинно,
А голос до любви крепчал и рос.

Теперь, когда скучна я, как Наина,
К уладам равнодушна и мудра,
Ты яства мне заморские и вина
Принёс, беседой тешишь до утра.

Седой, как дед, в сюжете том старинном,
Где все доколдовались ото лжи
До истин, губы смазав мандарином,
Его созвездьям правды одолжи.

Из цикла «Мастер Нагрех»

Я добирался полем и степью

Я добирался полем и степью,
Преодолев миллионы преград,
Гриб, приобщённый к великолепию,
Он подарил мне как истинный клад.

Взглядом его красоты я выпью.
Кто б возжелал себе лучших наград?
С низким поклоном к ВеликоЛипью:
«Лес, ты прости, если в чём виноват!»

Молча, на пней заскорузные струпя
Высыпал мне мягкотелых опят:
Великорусы великорубья
Денно и ношно над дурью корпят.

По мотивам «Мальчик и тьма» С. Лукьяненко

Чужих планет далёкие огни

Чужих планет далёкие огни
Не обмани, призвав свою мечту,
А заманив, до света дотяни
То, что в неясных помыслах прочту.

Ни одному заблудшему лучу,
Я не шучу, как взглядом не дырять,
Тьму не разять, но истое: «Хочу!»
Из ничего создать способно явь.

Коль радости заслуженный итог
Восторг исторг и к истине пути,
Тем, боль простив, звезду надежд зажжёт,
Своей планеты небо освети.

Ещё листвою без удержу болтая

Ещё листвою без удержу болтая,
Не растрепала вешний перманент,
Но вытянулась прядка золотая,
Менять причёску наступил момент.

Недолог шарм искусственной блондинки,
И скоро из помпезной желтизны,
Проглянут корни собирать сединки,
Как грошики на старость из казны.

И будет красить, мыть, пока метели
Ей лохмы не завьют, как бигуди,
Кручинясь, что так быстро пролетели
Дни юности, но это впереди...

Дотоль с вульгарным шиком разодела
Природа в изумруды и шелка
В шиньоне бабьем а-ля просто лето,
Взбивать, как букли, будет облака.

Законам красоты мы все покорны,
Советы сохранить её просты:
Когда трубят судьбы лихие горны,
Не торопись любви топить мосты.

*«Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.» А.С. Пушкин*

Ты можешь стать и злее, и добрей

Ты можешь стать и злее, и добрей,
Приняв иль отвергая Бога с чёртом,
При свете звёзд, свечей и фонарей
Жить средь полей иль в душном смраде спёртом.

Мир сделать и светлее, и темней,
Построив дом, мосты и эшафоты
Из дерева, железа и камней,
Иль подождать, пока создаст их кто-то.

В любви быть холоднее и теплей,
Беря и отдавая без остатка
Всё, что без слёз, а проще, без соплей,
Как горько, ты оценишь, или сладко.

Но ангелов призвав и упырей,
Когда планиды сдавит портупея,
Душа войдёт, кинжалов всех острей,
В неё, а ты поймёшь, что стал тупее.

Ни друг, ни враг, по прошлому скользя,
Не сможет сделать злее и добрее,
Тебя, менять в нём ничего нельзя,
Ни ямбом говоря, ни без хорея.

Обидой переполненную, чашу

Обидой переполненную, чашу
Раскупоренный радости кувшин
Привлёк харизмой: «Двинься, всё улажу!»
И акт над ней скандальный совершил.

Расхотелась, оценив угрозы,
Пьянящая до одури, тоска,
Когда, впитав поэзию и прозу,
Ум душу по столу за слог таскал.

Не зная меры, забывая дозу,
Страх расплескав, надтреснутый бокал
Такую, расколовшись, принял позу,
Что Дух скукожился и ускакал.

Все, ожидая вящего итога:
Кто, как умел, так, в общем, и грешил,
Хотели рассмешить страданием Бога,
И каждый выливал в него кувшин;

Но оказались по ошибке стёрты:
За что купил, за то ты и продашь –
До тихой грусти разозлили чёрта,
Обидой не наполнив гнева чаш.

Ноябрь стянул листву не вдруг

Ноябрь стянул листву не вдруг
С обоих берегов реки,
А как любовник иль супруг
С ног жертв ажурные чулки.

И распустился аромат
На голые стволы деревьев.
Как важно: холост иль женат
На той, что одолел, раздев.

С притворной негой юных дев
Сравнится ль поздней страсти всплеск?
Когда плод пал, не перезрев,
Излишен маскарадный блеск.

Он в меру ласков иль суров,
И всем ветрам, как суть, открыт;
Вода – основа всех основ,
Атака, истина и щит.

Соиться холод и угар –
Миг новой жизни и исток –
Пока ты молод или стар,
Не распознать, коль одинок.

Тепло Покрова – роздых до зимы

Тепло Покрова – роздых до зимы.
Природа к холодам почти готова,
Когда метели, затянув псалмы,
Отпустят боль под истинное слово.
Тепло нездешнее – снега на Покрова
Моей земле измученной привычной.
И золотая клёна голова
В нём кружится от счастья в жизни личной.

Тепло в туманы окунув дома,
Пророчит в сны и тем, кому не спится;
И зорко, словно око без бельма,
Следит за нами древняя столица.

Тепло и тонко поздняя листва
Дрожит в предчувствии суровых казней.
Да, прихоть осени, конечно, не нова,
Но мы себя обманом тёплым дразним.

Из цикла «Иван-Да-Лилия»

Расплетались косы гребнем лебеды

Расплетались косы гребнем лебеды,
Болью стала взрослой в омуте беды.
Вяли сенокосы, серебра скирды,
Там, где опоросом до сих пор горды;

Там, где смыла заводь в полынью утят,
Что умеют плавать, но летать хотят.
Там, где в каждой юшке хороводит хмель,
Детские игрушки брошены в метель;

Где играет завтра в жмурки со вчера,
Где, борясь с неправдой, крепнет детвора,
Растоплю кристаллы ледяной воды,
Чтоб роса впитала горечь лебеды.

В нашем тазике страстей

В нашем тазике страстей
Не меняют воду –
Та ж она, но чуть грязней
От любви к народу.

Как его нам не любить,
Коль, томим от жажды,
Ноги мыть и воду пить
Норовит тут каждый?!

Долог путь, да в сборах скор
Тот, кто злато-сбрую
Потерял, идя на спор,
Но базар фильтруя,

Правду-матку заменив
Сказкою и сплетней:
Пусть на час, но ты Халиф,
Дай, Бог, не последний.

После мойки: хоть в потоп,
Хоть в пожар, хоть в трубы
Бабу с возу, и в галоп –
Люди, кони, срубы.

Музыкант, гончар, пиит,
Пей, даруй и страждай,
Помня, истина гласит:
Не омыть ног дважды

В нашем тазике обид
И любви народа –
Всякий может быть убит,
Коль не видит брода!

Михаил Абугов

г.Кирият Малахи, Израиль

Моя Россия, Бог с тобою (попытка ронделя)

Рондель (фр. rondel) — стихотворение (твёрдая форма), состоящее из 13 стихов, в трех строфах. В наиболее строгом виде представляет собой два катрена и заключительное пятистишие, написанные таким образом, что первые два стиха повторяются в седьмом и восьмом, а самый первый, сверх того, ещё и в качестве заключительного (тринадцатого). Рифменная схема, таким образом: АВба abAB abbaA (заглавными буквами обозначены повторяющиеся строки).

/Из Википедии/

Моя Россия, Бог с тобою.
Я двадцать лет уже не твой.
Промчались годы чередой
В стране, назначенной судьбою.

В местах, где многое родное,
Теперь мне звание - чужой.
Моя Россия, Бог с тобою.
Я двадцать лет уже не твой.

Но для меня там всё живое -
Событий хватит, и с лихвой.
Да дум о них растущий рой
В стихах своих я не открою.
Моя Россия, Бог с тобою.

25.07.2009

Жена - от бога нам дана

*Посвящаю дочери моей -
жене Льва, хотя он носит
другое имя.*

Не помню - летом иль зимою
Столкнулись раз у водопоя
Два зверя местных Лев и Бык.
(Не делайте, прошу, мне втык,

Что для Быка, мол, Лев опасен -
 Подобных пар полно из басен).
 Тот водопой был зверям люб,
 Он для самцов стал как бы клуб.
 Весь день деньской так напряжён -
 Шли отдохнуть сюда от жён
 И проводили здесь подчас
 За часом - час, за часом - час.

С души забот сползает камень,
 И точно так же языками
 Враз зацепились Лев с Быком,
 А впрочем, может и молчком
 Идут часы в общенье узком,
 К тому ж приличная закуска.
 Вдруг издали раздался рык
 Такой, что даже вздрогнул Бык.
 Он не был трус, но (я не скрою)
 Чуть перебрал на водопое.
 А Лев, в отличие от Быка,
 Немедля встал, сказав: Пока!

-- Закуски-то ещё навалом, -
 Бык в удивлении немалом -
 - Куда так рано? Что с тобой?

-- Мне надобно спешить домой.
 Ты слышал рык? Звала жена,
 Не будет долго ждать она.

-- Звала жена? Да ты шутник! -
 Ему сказал с издёвкой Бык, -
 Я что-то толком не пойму,
 Как можно слушаться жену?
 Да стала б звать моя жена
 (Ну тут уж не моя вина),
 Ей от меня бы так влетело,
 Что звать бы больше не посмела.

-- Послушай, - Лев сказал сурово, -
 Твоя жена, дружок, - Корова.
 Моей Бог дал другой родится:
 Моя-то - Львица.

16.11.2008

Пятницы

Живу от пятницы до пятницы,
Томлюсь и жду с тобой свидания.
Но злое время будто пятится -
На что ему мои терзания.

Живу от пятницы до пятницы,
А в сердце словно что-то топчется.
Да только с болью этой справиться,
Ты мне поверь, совсем не хочется.

Живу от пятницы до пятницы,
И в том ещё хватает силы -
Так пусть мне счастием останется
Склониться у твоей могилы.

14 ноября 2006г. - 41 год нашей встречи.

Как пушинку жену я вознёс

Свадьба наша сыта и пьяна,
Тост за тостом, за рюмкой рюмаха.
Я - твой муж, ты теперь мне - жена,
И сегодня я парень-рубаша.

Хоть я в танцах совсем не артист,
Только нынче горю словно порох:
Хочешь вальс, хочешь рок, хочешь твист,
И с гостями танцую "семь-сорок".

Что весьма подшофе - не вопрос.
От друзей ведь силёнок не прятал:
Как пушинку жену я вознёс....
И тотчас уронил её на пол.

В платье белом восстала жена -
Я конечно же подал ей руку,
Но отвергла галантность она
И влепила при всех оплеуху.

Сорок лет промелькнули с тобой.
Это много? Конечно же мало.
Никаких оплеух, кроме той,
В нашей жизни с тех пор не бывало.

Я прошу - поднимись хоть бы раз,
Руку взять твою хватит мне духу.
Ах как счастлив я был бы сейчас
Получить от тебя оплеуху.

18.12.2007

Ночь завесила...

Ночь завесила окна бессонницей,
Накатился прошедшего вал.
Одному только мне может вспомниться
Сколько раз я тебя предавал.

В полудрёме рука моя тянется,
Только рядом пустая кровать.
Никогда уже больше не стану я
В этой жизни тебя предавать.

В наших судьбах свои обстоятельства,
Чтоб их ведать - не каждый удал.
То последнее было предательство,
Когда смерти тебя я отдал.

0:18 20.06.2007

А говорил что я тебя люблю?

А говорил, что я тебя люблю?
Меня вопрос вдруг этот растревожил.
Ответ в осколках памяти ловлю,
Но нет его, и не было, похоже.

Бывало спросишь: "Любишь ты меня?"
К вопросу относился я беспечно,
И будь то ночью или среди дня
Я между прочим отвечал: "Конечно".

Казалось бы, ну что там - ерунда,
Всё в прошлом, и к чему тревожить нервы.
А память мне талдычит: Никогда
"Люблю тебя" не говорил ты первым.

Я чётко знал: как жизнь тебя любя,
Любить и жить с тобою буду вечно.
И может быть, считал, что для тебя
Достаточно признания "конечно".

Склонясь на мрамор, горя не тая
"Люблю тебя", - шепчу я запоздало.
И пусть не ты, пускай душа твоя
Хотя б теперь об этом Там узнала.

Я наставлений делать не терплю,
Но как заблудший, выбравшись из чащи,
Своим любимым "Я тебя люблю"
Прошу вас повторять как можно чаще.

16.06.2008

Я был счастлив безмерно

Из цикла "Ушедшей"

Кажется, ты была на последнем месяце беременности, почти на сносях. В тот день ты готовилась к обычной помывке. Я с остервенением драил ванну в большой холодной и неопрятной ванной комнате, выделенной из части коридора коммунальной квартиры. Потом помог тебе раздеться, забраться в ванну, устроиться на табуретке. Вдруг ты спросила:

- Хочешь пообщаться со своим ребёнком?

- Как это? Конечно хочу.

Ты взяла мою руку и приложила ладонь к какому-то месту на своём животе. Тотчас в ладонь впилась два удара. Я был счастлив безмерно.

29.09.2007

Елена Богачева**г. Санкт-Петербург, Россия****Разорвать кольцо из нежных рук**

Разорвать кольцо из нежных рук
И забыть про взгляд лукавых глаз.
Эта - самой горькой из разлук
В нашей памяти всплывёт не раз.
Мы смотрели вместе в облака,
Мы сплетали из мечты венки.
Поцелуев сказка так сладка,
А разлук минуты так горьки.
Преклоню колени пред судьбой,
Ей тебя без грусти уступлю.
Мудрая шепнула мне: не твой,
Отчего ж я всё ещё люблю?

Нам лгут, мы лжем...

Нам лгут, и мы в долгу не остаёмся,
Мы сами лжем, и молча терпим ложь,
Самим себе порой не признаёмся,
Что нас от правды пробирает дрожь.

Мы так боимся быть, а не казаться,
На маскараде лиц не разобрать.
Ни на кого не смея полагаться,
Мы продолжаем дальше жить и лгать.

Ложь глубоко скрывает наши страхи,
Что мы не те, кем так стремимся слыть.
Ложь нынче выступает в роли свахи
Тебя и мира, где родился жить.

Всё будет хорошо

Как хорошо на старой даче,
Где пахнет мята и жасмин,
Где даже дышится иначе,
Где небо, как аквамарин.

Я наконец сюда вернулась,
Волной мигнуло озерцо,
Река лукаво изогнулась,
Скрипит приветливо крыльцо.

И детской памятью ведома,
Рукой касаясь теплых стен,
Неспешно прохожу вглубь дома,
Попав в воспоминаний плен.

Как хорошо на старой даче,
Где буйно разрослись кусты,
Где веришь, будет все иначе,
Где живы детские мечты...

Моим друзьям с теплом

Грею

Тому, кто тАк и стОлько пишет про любовь,
Давно пора, как донору, сдавать на пунктах кровь,
Чтоб люди незаметно для себя могли
Повысить уровень любви в крови!

Анне

Возникло странное желание,
Хочу, чтоб рядом ты была всегда,
В обеих, раритетом понимание...
И не преграда в этом нам с тобой года!

Авите

Как птичка, весела и суетлива,
Друзей своих пестуЕшь как птенцов,
И было бы, конечно, справедливо,
Чтоб о тебе заботились в конце концов!

Альфие

Географически ты очень далеко,
А вот душевно мы с тобой близки.
Ценю твою я прозу очень высоко,
Тебе же нравится читать мои стихи.

Виталий Бондарь

г. Калинковичи, Беларусь

ИЗ ЦИКЛА «КНИЖНЫЕ ГЕРОИ»

Мюнхгаузен

*Чтоб вернуть ее, придется вернуть себя.
Г. Горин.*

А знаешь, - это только повод,
Что бы до срока все забыть,
Чтоб нанизав жару на холод,
Продеть в жерло живую нить,
Сомкнув часы и расстоянья,
Смежив смирение и страсть,
В заветной косточке желанья
Предугадать беду-напасть.

Что бы в ответ, на чью-то волю,
Сорвавшись пушечным ядром,
Из топи жизненной юдоли
Тянуть свой неподъёмный дом,
А после, звездною стезёю
Вздымая ношу, налегке,
С рассветной лестничной зарею
Растаять в дымчатом окне ...

Но даже там, смешной и пьяный,
Ты в облаках Её духов
Скользишь на коже бананов
По крышам вышних городов,
Где в неуклюжего поэта,
Швыряя яхонтовый снег,
Тобой черпало это лето
Сокровища нагорных нег.

Мальвина

На живописных крышах октября
Печать следов необрученных судеб...
Свернув сигарку из календаря,
Мальвина курит на жестяном блюде.

Внизу Пьеро – ее старинный раб,
Стихами греет взгляд неуголенный
Воспламенить его он был бы рад,
Как рад взаимности - любой - влюбленный.
Мальвина курит, стяхивая прах
Прожитых истин, не зажитых песен,
Кому-то улыбается впотьмах,
И взгляд её как лучик бестелесен -
Он по жестяным крышам октября
Шагает живо, словно по жаровням
Туда, где зарождается заря,
Где лишь она ему на свете ровня,
Где перевозданный звездный перезвон
Вращает время от истоков мира
И отраженьё золотых окон
Являет судьбы грустно и смешливо.

Ассоль. Курортный романс

Удивительную историю
Рассказала мне сойка утром,
Будто еду я в Евпаторию
За своим вино-градным чудом,

Будто ждет меня там печальница
Ясно-золото-кареглазая,
Молчаливая бесприданница,
Безутешная дева красная.

По ночам на причале мается
До звезды маяка последнего,
На беду свою ждет красавица
Принца – мальчика многолетнего.

Ах, Ассоль ты моя рязанская,
Знать не знаешь, что время кончено,
«Сирота ты моя казанская»,
Видно, зря тебе напророчено.

То не витязь твой, не чудовище,
О разлуке вздыхаю горестно, –
Сорок лет нес тебе сокровища,
Сорок зим их мотал бессовестно.

Чем теперь ублажать, чем баловать,
Защищать от врага коварного,
Коли нет ни отреза алого,
Ни коня, ни меча булатного?

Выси всякой познал в достатке я,
Пригубил и вина и града я,
Пил лета горько-кисло-сладкие,
А теперь вот на землю падаю...

Так чего же ты плачешь, странница?
Не печалься моя сестрица,
Верю я, чудеса сбываются,
Даже те, что не могут сбыться!

Марианна

Лазурное «браво» над Шервудским морем
Скользит плавниками по сердцу стрелка,
А ей невдомек: там, где счастье – жди горя,
Где горе - там счастье, где лук - там стрела.

Вино из одуванчиков

Неутоленным заходить,
Как в ресторан – в библиотеку,
Там «избранных» напитков прыть
Глотками мерить на утеху,
Деньгами-чувствами кутить,
Сорить бесценными часами,
В дуэли «быть, или не быть»,
Скреститься мачтами-мечтами.
Плыть оглашенною луной,
В тиши, над Темною аллеей*,
В молчании обретать покой,
Вином от времени пьянея.

Как Дуглас, в обуви из трав
Парить над островками прозы
В заморский город Зурбаган
За Золотою розой*.

Там, на сиреневых холмах,
Под сенью вычурного слога
Встречает страждущих она –
Застенчивая недотрога,
Своей нетленной красотой
Преображения в земном,
Тропой извилисто-кривой,
Паломнику вещая дом.

По ней шагать, отбросив страх -
Вериги оболочки брэнной,
Неузнанным: то ли чудак,
Толь Гражданин Вселенной?
Прочь от невзгод и суеты
Зимы тревоги* и сомнений,
Пока излучины-мосты,
Пророчат узы единенья,
Пока словесная руда
Ручьями горными несёт,
Влечёт Дорогой никуда*,
С благодарением за все!

** названия литературных произведений*

Сергей Ворошилов**г. Петрозаводск, Россия***Лауреат премии "Автор года" 2009
литобъединения "Многоточие..."***Лесное диво**

Когда со скал змеиной кожей
В овраг сползает талый снег,
Тревожит дебри осторожный,
Лесной не зверь, не человек.

Живёт, людей не беспокоя,
Росой и дождиком умыт.
Лишь, иногда, у водопада
Он оставляет след копыт,

Витютнем пробурчит ворчливо,
Совой хихикнет у пруда
И прячется Лесное Диво,
Уходит, как в песок вода.

И знают люди - шутит леший,
Живущий в низменном бору...
А я вчера, оторопевший,
С ним повстречался поутру,

Когда в малиновом тумане,
Раздвинув сонные кусты,
Увидел чудо на поляне,
Лицо уткнувшее в цветы.

Там увлечённо, терпеливо,
С улыбкой кроткой на лице,
Плело венки Лесное Диво,
А нос был вымазан в пыльце...

На смерть собаки

Снежинки падают в мороз
На нос собачий,
А лес в ночи, как снежный пёс,
Скулит и плачет.

Стекает горем по усу
Вода простая,
А у собаки на носу
Снежок не тает.

В холодной шерсти ветерок
Хозяйски рыщет.
Прости за то, что не сберёг,
Прощай, дружище.

Кому, зачем твержу,- держись,-
Коль нету мочи?
Но как принять, что друга жизнь
Твоей короче?

Тоскует месяц о судьбе
На небе грачем -
Глядят, печалятся с небес
Глаза собачьи,

Да ветер воев в вышине
Опять надсадно...
Ты приходи ко мне во сне
Почаще, ладно?

Русь изначальная

Окна в былое навеки задрены.
Память затерта, не сыщешь отдушины.
Пращуров пепел иль ветер УкрАины
В сердце стучится? Виденьями слушаю...

Знать, раззуделось плечо молодецкое:
Пыль поднимает горячая конница.
Пенится Днепр. Содрогается Греция.
Жаждет добычи славянская вольница.

Солнце играет щитами червлеными,
Зверь убегает, и вороны кружатся.
К Понту Эвксинскому, к морю соленому
Едет за славой славянское мужество.

Шутками тешатся гридни веселые,
Сызмальства манит богатство Царьградово.
Русь изначальная скрылась за долами.
Будет чем любушек русских порадовать.

Вечный соблазн - Византия иконная,
Сладки посулы, что рядом да около.
Эко, зашлась колокольными звонами.
Поздно! Добычу наметили соколы...

Эх, удалцы, кабы знали вы, ведали,
Сгинете все, как один, сотоварищи.
Близко беда, и не песней победною,
Стоном наполнится Русь... Но пока еще

Видятся струги и волны курчавые,
Слышен скрип весел и возгласы росские...
Дети Перуновы, лица лукавые,
Степи раздольные, воды днепровские.

Плутовка осень

Подкрадется бабьим летом, соблазнит плутовка-осень,
Расплетет игриво косу, позабудет заплести,
Завлечет в тайгу под вечер и доверчиво попросит
Пригубить с ней рюмку горькой и о жизни погрузить.

Бархатисто ночь расстелет, закружится махаоном,
Прошуршит лиственным шелком ниспадающих одежд,
Рассечет ночное небо языком хамелеона
И небесным падшим телом протаранит к сердцу брешь.

Мне откроет свою душу, разболтает все секреты.
Мы споем с ней про бродягу, про небесный монастырь.
Отряхнет под утро осень с синей скатерти рассвета
Крошки звезд голубоватых в пламенеющую ширь.

Будет свечи древних елей поджигать лесное солнце,
Потекут в лиловый вереск капли света и росы...
Мне останутся на память красно-желтые червонцы,
Что осыплются той ночью из распущенной косы.

Деревенька

*Тебя называют по имени, отчеству,
Святая как хлеб, деревенька моя...
(из песни)*

Снова скромное лето карельское
Заманило в луга коростелями.
Вот и тропка заросшая, сельская,
О которой сучал за метелями.

Вот и поле мое перекатное.
Как живется тебе за болотами?
Не бранят тебя пахари матами,
Нет колхозниц со спинами потными.

Всё страдаешь, душа каменная?
Разлюбили тебя, позабросили.
Не сложилась судьба с коммунистами -
Как у нас говорят - поматросили...

Не нужна ты деревне, кормилица.
Умирает подруга запойная.
Без любви дело вряд ли осилится,
Вот и чахнет земля Вяйнемёйнена*

В деревеньке дома заколочены,
На подворьях ни шерсти, ни вымени.
Величалась деревня по отчеству,
А теперь не назвать и по имени.

Ребятня не кричит за калитками,
Пожни сплошь зарастают малиною.
Гибнет полюшко, потом политое,
Прежде знавшее силу былинную.

Вдаль иду по тропе огородами,
Тут и там каменистые россыпи.
Смотрит вслед чья-то малая родина...
Ох, и тяжки грехи наши, Господи!

**Вяйнемёйнен – герой карело-финского эпоса «Калевала»*

Охотничья привальная

Тают закатами дали таежные,
Гаснут просторы болот,
С дымом уносятся думы тревожные
Прочь от житейских забот.

Сквозь близорукую темень кромешную
Рвутся костра огоньки...
В круг собираются местные «лешие»,
Жмутся к огню мужики.

Где над лесами, над марями спящими
Звездный раскинулся плед, -
Байки охотничьи, взгляды горящие,
Вьется дымок сигарет.

За прибаутками, жаркими спорами
Вечер багровый утих.
Ночь занавесилась синими шторами,
Сердце баюкает стих.

Спите, друзья. Защитит вас от холода
Добрый товарищ костер...
Сыплется искрами звездное золото
В блюдца карельских озер

Пусть вам приснятся под отблески осени
Глаз дорогих огоньки,
Ветра напев колыбельной доносится
Под переборы реки...

Огонь-девчонка

...А когда засыпает пламя,
И толкает в плечо мороз,
Я костру, как любимой даме,
Задыхаясь в дыму от слез,
Раздуваю дыханьем чёлку.
И, стуча зябко зуб о зуб,
Умоляю огонь-девчонку
Отогреть лепестками губ:

Просыпайся! Ты видишь, странник
Замерзает без жарких ласк.
Сколько было их утром ранним,
Тёмной ночью, в закатный час...
Согревай, я прижмусь поближе,
Улыбнись угольками глаз,
В волосах твоих звёздно-рыжих
Заблудиться хочу сейчас.
Обними же скорей с мороза,
Поцелуями размори,
Мне вертеться в нелепых позах
До зари с тобой, до зари...

Купанье красного коня

Другу - охотнику

Ты помнишь, огненное диво
Купалось в Северной губе,
Как плыл в волнах, сверкая гривой,
Багровой масти жеребец,

Как шумно фыркая прибоем,
В тумане розово-густом,
Не чуя тверди под собою,
Зарю он пил лиловым ртом...

Но кто-то в сумрачное поле,
За плотный елок частокол,
Не дав зари напиться вволю,
Красавца красного увел.

Увел во мрак холодной ночи,
Взнуздал невидимой рукой,
Миров раскинув многоточье,
Над нами млечною строкой.

Как жаль, но всё уходит в бездну.
И мы уйдем за радость дней
Туда, где сумрачный наездник
Седлает огненных коней...

И за каким-то поворотом,
Оставив рай земных лесов,
Умчимся мы к другим охотам:
К Стрельцу, к созвездью Гончих Псов.

Бабочка

Смотрю на радужные крылья...
Калейдоскоп.
Мираж.
Полет.
Космической припудрен пылью
Иных миров незримый код.
Здесь неразгаданным секретом
Разбрызган кратерный пейзаж,
Чужие звезды и планеты,
Лиловый выткан антураж...

Глаза на крыльях!
Будто Космос,
Глядит открыто, не таясь,
Пройдя легко сквозь мыслей космы,
С душой налаживает связь...
А, может, ангел синеокий,
Присев на ложе василька,
Напоминает про Истоки
Невинным взглядом мотылька...

Отцы и дети

Как горько жить, не ведая лица,
устав от дел и вечного круженья,
и своего не видеть отраженья
в Великолепном Замысле Творца.

Печально плыть, скользя безлико прочь,
однажды оторвавшись от Начала...
И потому, Вселенная сучала.
Порой, взрослея, так сучает дочь.

Отец грустил, дитя своё любя,
Он долго размышлял и как-то, разом,
создал прибор самопознания – разум
по образу-подобию Себя.

И став единой с разумом-венцом,
Природа шлёт сама себе ответы.
Наверно был в тот день Отец поэтом,
как я сегодня счастлив быть отцом.

И я смотрю, как, ползая в траве,
играя с бабочкой и позабыв про книжки,
рисует мой восторженный сынишка
свою картинку мира в голове.

Как, постигая собственное «я»,
смеётся Мир залиvisto и звонко
и, отраженный в образах ребенка,
приоткрывает тайны Бытия.

Городской пейзаж

Новый день, новый взгляд на живой вернисаж.
В серых красках до боли знакомый пейзаж,
Столь родной и привычный в рутине...
Перед пропастью будней, застыв на краю,
Я с тоской по фрагментам наш мир узнаю
В нарисованной кем-то картине.

Здесь, сдавив магистралью сады, как рукой,
Прижимаясь к реке воспалённой щекой,
Дремлет город, обкуренный дымом.
Он, замотанный грязным шоссейным бинтом,
Отравляя окрестность оплеванным ртом, -
Пьяный клоун в неоновом гриме...

Он людей одиноких дитя и каприз,
Их тщета без любви воссоздать парадиз,
Их извечная страсть к макияжу...
Здесь деревья вцепились в чугунную вязь,
Здесь девчонка-подросток, фальшиво смеясь,
Предлагает себя на продажу.

Кто художник, создавший пейзаж городской,
Где скелеты мостов над унылой рекой,
Где бомжи продают незабудки,
Где тиранит торговку находчивый страж,
Где, отвергнув свободу, вписались в пейзаж
Попрошайками дикие утки?

Деревьям

Пьяный маем уйду в весну,
В мир древесный живого клея.
Обниму, как сестру, сосну,
От смолистых волос хмелея.

К белой коже прижав висок,
Расцелую берёзе кисти,
Пригублю сладковатый сок
С ароматом грядущих листьев.

Тронув колкость еловых грив,
Отрезвею в дремучей тени.
Опираясь на руки ив,
У ручья преклоню колени

Летний вечер

Летний вечер. Дурманит сосна.
Плещет рыба, рисуя круги.
Солнце медное, будто блесна,
Погружается в омут тайги.

Замерев, оживает душа,
Раскрывается, словно гармонь.
Выливается зорьки ушат
В угасающий рыжий огонь.

Расстилают в тиши облака
Розоватый пушистый ковер,
И целует румяный закат
Губы влажные сонных озер.

В белом кружеве к скалам седым
Ночь прижалась - прозрачна, легка,
И атласную кожу воды
Робко гладит тумана рука.

На звезду

Сам себя у хандры краду,
Оживаю под песни гроз...
На звезду иду, на звезду,
Что горит в волосах берёз.

Ухожу от тебя, печаль:
Тяжек воздух замшелых стен.
Меня светлая манит даль,
Мне по сердцу высокий плен.

Оставляю тебя, тоска.
И стихи не тебе пишу.
Прозвени ручейком, строка,
Я прошу тебя, я прошу...

Пусть пока я не весел, пусть.
Но унынья сорвал узду.
Ты прости за измену, грусть.
На звезду иду, на звезду.

Зелёные туманы

Когда в зелёные туманы
Принаряжаются леса,
Наполни, друг, свободой пьяной
Тугие жизни паруса.

Почувствуй силу новых листьев,
Услышь, что шепчет тишина,
Открой секрет рассветов лисьих,
Очнись от будничного сна.

Живи мгновением, дружище,
Прости ушедшие года:
Они зола от пепелища,
Что смыла талая вода

И унесла с собой обманы,
Обид пустые словеса...
Гляди, в зелёные туманы
Принаряжаются леса

Сергей Глухов

г. Алматы, Казахстан

Только ты возвращайся!

Только ты возвращайся!
Обязательно!
Слышишь?
Обязательно!
Слышишь!?
Ведь тебя будут
ждать..
Опустевшие улицы,
серые крыши,
и трамвайный попутчик,
привыкший мечтать.
Глядя в синие очи,
улыбку и руки.
Собирательный образ
ушедшей любви.
Ты уедешь надолго
лечиться от скуки.
Там волнуется море,
плывут корабли.
Только ты возвращайся,
обязательно,
слышишь?

22/07/09

Все по кругу. По кругу ходишь

Все по кругу. По кругу ходишь.
Смотришь в глазки, и ниже... ниже...
Ах, как хочется ласки... ласки...
И подходишь все ближе, ближе...
Жаль, не та - обознался, видно.
Впрочем, грудь ничего... красива.
В этом что-то из пошлой сказки.
В разговоре слегка спесива.
Пальцы - тонкие, шея... плечи...
Жадный взгляд ... наполняет вечер.
Вкус вина из стекла бокала.
Ты смеешься слегка игриво,
Наблюдая за скользкой речью.
Прикоснулся к твоей ладони,
Не одернула... значит, хочешь...
Жаль, не та, обознался, видно...

12/08/09

О, как томительны минуты ожиданий!

О, как томительны минуты ожиданий!
 Когда стоишь и ждешь, она вот-вот войдёт.
 Давно душа твоя устала от блужданий,
 Ей хочется испить любовный горький мёд.
 Твои метания от истины к печали,
 И поиски ее в небытие вина.
 Немой вопрос в глазах. Её вы не встречали?!
 Весёлый смех в ответ, увы, шальных менад...
 И вот, она пришла, видение ночное,
 Впорхнуло облаком в открытое окно.
 Воображение рисует неземное.
 Пока темно в душе, пока еще темно...
 Зеленые глаза... влекут к себе и манят.
 Прикосновение к небесной красоте.
 Я чувствую внутри не тление, а пламя!
 Одним лишь взглядом прикасаясь к наготы.
 Овал груди, бедра, полуоткрытый ротик,
 Пью жадность губ твоих и ощущаю вкус.
 Ладонью трепетной ласкаю твой животик,
 И вдруг почувствую любовный твой укус.
 Твой пыл безумием наполнит мою душу,
 И пониманием того, что ты пришла
 Не на мгновение, и, кажется, я нужен,
 Мой лучик солнца у разбитого стекла.

08/09/09

Берег Эвроты, печальные ивы

Берег Эвроты, печальные ивы,
 Грустью наполнилась девичья грудь.
 Мысли ее и грешны и стыдливы,
 Хочется страсти любовной вдохнуть.
 Тонкие пальцы, румяные щеки.
 Бедра, не знавшие ласки мужской.
 Душу наполнят предчувствия токи,
 Тело исходит безумной тоской.
 Гибкие ветви укроют от взглядов
 Чувственной страсти любовный родник.
 Томные вздохи и всплески наяды,
 Шорохом вторит медовый тростник.
 Юная Леда уснула, нагая,

Локоны спутались в смятой траве.
Синяя рябь ... лебединая стая,
Тихо мелькнула в намокшей листве.
Царственной шеи изгиб ослепляет,
Лебедь на берег выходит один,
Медленно ветви собой отклоняет,
Под одобрительный шёпот ундин.
Нежно касается спящего тела,
Лаской своей будоражит мечты.
Солнце над гладью вечерней алело...
Белые лилии - краденый стыд...

21/09/09

Душа твоя измаялась

Душа твоя измаялась,
И требует любви.
Ну что ты сомневаешься,
Коль хочешь, так бери.
Смотри, какая девушка:
Желанием полна!
Несет к тебе красивую
Любовная волна...

И сколько канет времени
Впустую, в никуда,
Когда ты спросишь милую:
- Скажи же мне, когда...
Объятий нежных чувственность
Похитит наш покой,
И я, устав, безумствуя,
Прижмусь к тебе щекой...

22/10/09

Тишина в коридоре

Тишина в коридоре,
за окном ходят люди.
Незаметно наступит
здесь вечерняя мгла.
Перемены в погоде
приведут ли к простуде?

Ты сегодня, пожалуй,
не прийти не могла.
Мы целуемся в губы,
забываясь от страсти.
Терпкий привкус мартини,
и твоих сигарет.
Незакрытые двери
обостряют отчасти
Ощущения жажды:
нарушают запрет.

Есть всего две минуты,
и безумные ласки
нас захватят, похитят,
и в порыве своём...
Не успев насладиться
ощущением встряски,
Мы уходим... уходим...
и, предчувствуя, ждем...

16/11/09

Вижу тело твое

Вижу, тело твое
жаждет ласки
и ждет,
когда кто-то родной
его нежно возьмет.
Когда кто-то родной,
совершив перелет,
из Торонто
в Москву
вновь без стука войдет.
И узнает,
что ты
не ждала и ждала,
отрицая любовь,
выгорала дотла.
Проклинала того,
кто молчал и смотрел.
Проклинала того,
кто давно не у дел.
Вижу тело твое:
скрытой страсти оплот.

Вижу взгляд твой –
холодный,
как колотый лед...

26/01/10

Больше ты не ищешь взглядов любопытных

Больше ты не ищешь взглядов любопытных,
взглядов плотоядных, жаждущих любви.
Больше ты не хочешь страсти ненасытной,
страсти неумемной каплю пригубив...

Сколько ты искала, сколько ты хотела
нежности и ласки в искренних словах.
Знать, судьба такая. Просто отболело,
да застыло болью на твоих губах...

И обычным утром встанешь очень рано,
вновь увидишь в небе груды облаков.
А душа не плачет... Там большая рана,
и глаза такие - цвета васильков...

24/02/10

Любовь богов опаснее стихии

Любовь богов опаснее стихии,
Их гнев страшнее пламени и бури.
Не жди, когда глаза свои сощуришь,
Ревнивый бог устроит тиранию.

И вот, когда охотница Диана,
Безумной страстью воспылав к Амуру,
Совсем другую тонкую натуру
Ласкал Амур, не чувствуя дурмана,

В один из дней в саду гуляла Роза,
Светило солнце теплыми лучами,
Подул зефир, чуть вздрогнула плечами,
А за спиной - смертельная угроза.

Диана долго выжидала жертву,
Терновый куст - сопернице награда.
Поверженной останется преграда,
Нагое тело больно ранят ветви.

- Ну, где же ты, я кровью истекаю, -
Шептала нимфа бледными губами.
Любовь Дианы встала между нами,
А мы с тобой все время шли по краю.

- Ну, где же ты, мне холодно и больно,
И все слышнее голос Прозерпины.
Зовет к себе сквозь горы и долины,
Я ухажу соперницей безвольной.

Улыбкой на устах застыла вечность,
Сомкнулись веки, небо потемнело.
Весенний дождь собой укроет тело,
Впитав в себя всю боль ее и нежность.

Терновый куст, невольной став причиной,
Омыт дождем и горькими слезами,
Теперь пылал бордовыми цветами,
Их аромат ветра несли в долину.

И где-то там божественным казалось
Благоухание кровавой розы.
Любовь как сон - обманчивые грезы,
А для богинь - обыденная шалость.

25/03/10

Татьяна Игнатьева

г. Тихвин, Россия

Замри, душа, и не считай минуты

Замри, душа, и не считай минуты,
Но выбери из них, хотя б одну ты.
И выпей тот свободный полный вдох.
Пусть движет мир стараньями волхвов,
Свершающих насущные дела.
Замри. Да будет даль твоя светла,
Да будут очи видеть сквозь печали.
В порыве дивном сердце, отвечая,
Как птица вдруг забьётся в прутьях дней.
И вырвется из горечи огней,
В полёте обретя очарованье.
Под ветренное снежное дыханье,
Под ломкий всплеск холодного луча
У первого заветного ключа
Найдёшь следы затерянной вселенной,
Где постоянно всё и всё мгновенно.
Где чуть подтаял вечный синий лёд,
Откуда Ангел начинал полёт.

Ни крошки, скатерть белая чиста

Ни крошки, скатерть белая чиста,
И вьюшек сон чугунными блинами.
Завьюжит вьюга белыми вьюнами,
По тропам, по дорогам – пустота.

След не отыщешь в сумрачной дали.
Найти друг друга – разве мы хотели?
Сегодня это глупо, в самом деле,
И верно поздно – вьюги замели.

Придумать оправданье не смогу
Поверить страхам – это так привычно.
Ночная птица бьётся в сердце мне.

В стекло речное в саванном снегу
Не загляну, как будто безразлично,
Что прячет ночь в зелёной глубине.

В пылу упрямых будней и сует

В пылу упрямых будней и сует
Предпраздничных, невидящих просвета,
Мелькнёт вдруг перевёртышем ответа
Волшебных сказок мудрых пируэт.

Родится слово истины, и тьмы
В реальном мире рухнет право вето.
Молчанье точит камень каплей света.
Благое дело – праздники зимы.

Сусальным переливом по утрам
Слепят глаза нам новые затеи.
Лучи весны нежданной впереди.

Мы выбираем – площадь, или храм,
И молимся тому, кого хотели.
Всё учит жизни – засухи, дожди.

Когда жеманно и мечтательно

Когда жеманно и мечтательно,
Кисейной барышней точь-в-точь,
У края сна очаровательно
Присядет ночь,

В перчатках длинных, в звёздном кружеве,
В вуали, с зонтиком в руке –
Вздохну – анапест больно нужен ли
Моей строке?

А зонт раскроет – стихомании
И вовсе затухает жар.
Я речи, даже понимания
Теряю дар.

Не важно – молью ли, вампирами
Сотворена та красота –
Но жажду быть сквозными дырами
Её зонта.

На что пенять! Так странно сбывшейся
Мечте теперь не прекословь...
И сквозь меня – зари родившейся
Стекает кровь.

Под оплывших свеч мерцанье

Под оплывших свеч мерцанье
Пляшут тени канделябра.
Долго в душу заползает
Ночь осенняя змеей.
Бросив после растерзанья
От луны ущербной жабры,
Спит, блаженно растекаясь
Сытой коброй над землёй.

Я читаю жизнь по звёздам.
Я считаю дни по пальцам.
Не держу часов в квартире –
Время лучше не дразнить.
И багаж беспечно роздан
Неприкаянным скитальцам.
Всё случайно в этом мире,
Ариадна прячет нить.

Позабыла – что немило,
Что не нужно – потеряла.
Лишь одним свечным огарком
Спит надежда, чуть дыша.
Сколько раз себе твердила –
Всё опять начну сначала.
Но змеёю в танце жарком
Извивается душа.

Вот когда споткнётся время,
А потом покатит глаже –
Сброшу шкуру – будет, знаю.
Звёзды ближе – это шаг.
И совсем иное племя
Без вопросов примет даже –
Почему же я летаю...
Просто с крыльями душа.

Вот мой мирок, он прост и мал

Вот мой мирок, он прост и мал:
Тетрадь стихов, окошко в небо.
Смешной и слабый арсенал
Без пресловутых зрелищ-хлеба.

Неугомонная душа –
Ей рваться бы да путать мысли.
Горой во взгляде мураша
Спас на Крови, глядящий в выси.

Там дождевых полей страда
 На облаках под взбитым кремом.
 И полуночная звезда
 Всю жизнь летит до Вифлеема.

И вера зреет на корню,
 Сродни доверию ребёнка,
 Что благодатному огню
 Легко упрочить там, где тонко.

И лиц любимых образа
 У сердца маленьким киотом,
 И непростившие глаза,
 Но обещающие что-то...

Когда придёт пора душе
 Улиткой выползти наружу,
 На бесконечном выраже
 Нырнуть в безветренную стужу –

Рассыплет прахом мой мирок,
 Следы покроем толщей снега.
 Но будут ждать заветный срок –
 Тетрадь стихов, окошко в небо.

Дао быть женщиной

Дао быть женщиной.
 Необъяснимо –
 Плачут ли дети, янтарные слёзы
 Мёртвых русалок ли, в сердце заноза
 Призрачной жизни, и сказки всё мимо.
 Дао быть женщиной.
 Неотвратимо –
 Вновь просыпаться бескрылою птицей.
 Годы, что дни – на ладони седмицей.
 В небе растаявший взгляд пилигрима.
 Дао быть женщиной.
 Неповторимо –
 Ангельским светом принять омовенье,
 Вишней багровою стихотворенью
 Каплей у губ проступает незримо.
 Дао быть женщиной.
 Неоспоримо –
 Первой, единственной в сонмище судеб.
 Ты искупившая, он неподсуден.
 Боль нерождённого сына терпима.
 Дао быть женщиной.
 Невыносимо.

Привстав на цыпочки, смотрю я из окна

Привстав на цыпочки, смотрю я из окна.
Там сад под снегом сиротливый, долговязый.
Стекает вечер по щекам берёз и вязов,
Дрожит ветвистым кашемиром бузина.

Часы пробили ровно шесть не торопясь.
Мне тоже шесть, и я шепчу об этом кошке.
На замороженном стекле моя ладошка
И января блестит узорчатая вязь.

Зачем же мир такой холодный и немой!
Сама себя я утешаю и не верю.
Взгляну с надеждою на запертые двери
И вновь вздыхаю – вот и час пошёл седьмой.

Щемит сердечко, и слеза уже вот-вот
Готова брызнуть, ... но недолго горе длится –
Улыбкой светятся вокруг родные лица.
И я кричу, что я не видела их год!

Пробило восемь, и расплылся мир в тепле.
Сад за окном всё норовит куда-то деться.
Но остаётся навсегда, как след из детства,
Моя подтёкшая ладошка на стекле.

Великой княжне Татьяне

Расправит весеннее утро лазурные крылья,
Закружится пчёлкой, невольно творя опыление.
Сиреневым духом своё разольёт изобилье,
Черешневым цветом своё разукрасит явление.

Белёсыми росами ландышей вышьются рощи.
Гулять бы как прежде, аукаться с сёстрами в ивах.
И взгляд за мечтой улетает, а сердце не ропщет,
Не плачет о прежнем, далёком, родном и красивом.

Но тихое «Господи...» с губ упадёт односложно,
Нежданно-негаданно вызовет злую тревогу.
Как трудно быть просто собой, и почти невозможно
Себя убедить, что устроится всё понемногу.

Но трудится сердце, и ушлые призраки страха,
При свете дневном растворяет усердие воли.
Огнём опаляет во снах предстоящая плаха.
И так непонятна она, что обидно до боли.

С утра и до вечера руки в работе прилежно.
Обнять бы родимых, от горьких невзгод ограждая,
Жить в розовых вёснах и в зимах дышать белоснежных.
Но снятся зелёные кущи пресветлого рая...

Отважный улан, никогда не летевший в атаку,
Вдруг всё поняла в одночасье в аду оголтелом.
Привычно шагнула навстречу трусливому мраку,
Сестру заслоняя своим умирающим телом...

Расправит весеннее утро лазурные крылья,
Закружится пчёлкой, невольню творя опыление.
И нас, опустившихся наземь в унылом бессилье,
Подхватит с собой с наивысшего благословенья...

Мои мальчишки выросли

Мои мальчишки выросли.
Но как же
Я не успела это углядеть?
Мы вместе неразлучно шли.
И каждый
Идти своей дорогой будет впредь.
Мне – только звонких песен
Отголоски,
Тетрадок недописанных покой,
И миражей нелепые
Наброски
По лужам в долгий дождик
Проливной.
Так сиротливо стоптанные
Кеды
Остыли без тепла ребячьих ног...
Да не коснутся сумрачные
Беды
Солдатских нескончаемых дорог.

Вот и солнце уже завершает свой радужный круг

Вот и солнце уже завершает свой радужный круг.
Золотые его отголоски, как быстрые спицы.
А с моих, перепачканных соком малиновым рук,
Неохотно взлетает в вечернее небо синица.

Ты лети, моя птичка, и сердце моё забери.
Унеси за леса и разлей по оврагам туманом.
А когда зимне-алым рассветом вскипят снегири,
Зарубцуются, может, под снегом сердечные раны.

Я не плачу уже, но улыбка даётся с трудом.
Я не вижу, куда в суете растворяются люди.
Только вкус переспелой малины напомнит мне дом,
Тот, которого не было в жизни и после не будет.

Только выльются соком за край горизонта года
Чаши вечной судьбы на безвременья дно ледяное.
И быть может, тогда... нет, конечно же, точно – тогда
Краем глаза смогу заглянуть я в окошко родное.

Дождливо-домашнее

Моря далеки, и встречать корабли не судьба.
Как малых котят, нас в осенние лужи макнув,
Сегодня дожди переполнили все желоба.
И город поднялся на цыпочки, тяжело вздохнув.

А здесь на седьмом этаже далеко до воды.
Ветра нипочём за двойною прослойкой стекла.
Небесных поливочных, видно, напрасны труды.
Мои одиноко-домашние ладны дела.

Я здесь, как на небе седьмом – никому не достать.
Себя-то, порой, не найти до удушливых слёз.
И вот когда дни начинают отлистывать вспять,
Такая безделица врежется в душу всерьёз!

В ладонь умещается всё нажитое тепло.
Вселенские грусти уймутся дождям вопреки.
С хорошею книгой и добрым бокалом Мерло
Встречаю свои корабли, хоть моря далеки.

Расправляя ворсинки замёрших холстин

*«Теребя белизну монохромным узором,
Тянет зимнюю нить нулевой шелкопряд»
Наталья Дорофеева.*

Расправляя ворсинки замёрших холстин,
Всё прядет и прядёт свою нить золотую
Нулевой шелкопряд зимотканых картин,
Уводя нас в подлунную ночь вековую.

По извилистым снам кружевных виражей,
По метельным отдушинам в талых объятьях
Всё ползёт до небесных седьмых этажей,
Всё готовит зиме её новые платья.

А она, выбирая меха и шелка,
Расцветает алмазами моде в угоду.
И в сочельник задремлет, уставший слегка,
Нулевой шелкопряд уходящего года.

Расправляя ворсинки замёрзших холстин,
Осторожно укроет зима его кокон.
И останется след его снежных картин
У мигающих ёлками праздничных окон.

Бабушке

Под дожди, застрявшие навечно,
Под тугое тиканье часов
Ищем в этой жизни быстротечной
Рая центробежных полюсов.

Мы с тобой тихонько у окошка,
Не включая вечером огня,
Погрустим о будущем немножко,
Что манит неистово меня.

Всё уже ты ведаешь, родная,
Оттого глаза твои грустны.
Почему так хочется, не знаю,
Плакать от счастливейшей весны.

И мечты летят неудержимо –
Будет, от невзгод меня храня,
Рядом тот единственный любимый.
Всё, конечно, будет у меня...

А потом года закрутят пути.
Но не сдамся – выдержу, сорву.
Только доживи до той минуты!
И замрёт у сердца – «доживу...»

Линде Александр

г. Киев, Украина

Окурок года

Десяток дней – окурок года,
скуластый ветер за спиной
в гортани сиплой дымохода
ворчит воинственно трубой,
десяток дней – окурок года...

Спадает ниц хитоном нищим,
лохматой огненной главой
озябший день. Став небом чище,
слагает память образ твой...

Десяток дней, как стрел десяток,
колчан худой наперевес,
и дерзкий лёт стрелы кудлатой
таранит лежбище небес,
десяток дней, как стрел десяток...

На окнах снег скисает талый,
и радость в сердце теребя,
храню умело, что осталось –
слова "тобой" и "для тебя"...

Джим, Джим

Память – лежбище побед,
тем и рад,
остаканился в обед
в аккурат.

А на донышке нектар
на стакан,
расплескался цвет-янтарь
по щекам.

И по стойке пальцев бой,
точно блюз.
Право, разве без второй
обойдусь?

Выпил горлом эхо ватт,
эх, Джим, Джим...
Вечность любит целовать
молодым.

На парижских мостовых
саван – дрянь,
здесь же белый выпал жмых,
любо, глянь!

Распатронюсь я по льду,
как во сне,
но подснежником взойду
по весне.

Не-мо-та

Седовласый лгун-туман
заведет в укромы ночи,
распри хочет окаян!
гунн-соперник стрелы точит.

Чиста поля акиян
изогнул тугие травы,
ходит кругом смерть, бурьян
прячет степняков ораву.

На скаку пронзая хмарь,
лошади копытят пашню,
поравнялись - взмах, удар...
тает эхо рукопашной.

Ну а в небе - ле-по-та,
с ним на миг столкнулся взглядом,
я убит, и не-мо-та
обжигает черным ядом.

Самурайская

Сам не свой, а чей - неважно,
кистеном грудь мнет тоска,
дней пергамент - птах бумажный
думы в дыры затаскал.

...В них метель, хохочет вьюга,
и по ходу сладу нет,
в бубен крыш грохочет фуга,
и ничто не радуется...

Не чета мне, сам я нечет,
вот те крест, как на духу,
выметаю сплина пепел
на осевшую труху!

Спутник смерти, сам у края,
дней лукавых нить красна,
и дорогой самурая
провожает век роса.

Самурая путь - жить смертью -
на восток,
дышать восторг,
в след вертлявой круговерти,
в пузо белых облаков.

Бой недосказан

Грозной центурией Рима,
гордое славится имя,
ветер пылит сединой.
Подвигом воинским знатным,
доблестный парфянский ратник
вымолит душам покой.
Бой недосказан,
в ножны упрятан
стали оскал голубой,
Бой недосказан,
ретушью смазан
неба лиловый подбой.
Принятых дёрном морозным
писари почерком ровным
всех поименно сочтут.
Вечным дозорным солдатом
желтая неба заплата
тянет привычный маршрут.
Бой недосказан,
маревом смазан,
сном прибывает к земле.
В тусклом тумане
русый германец
поит коней в серебре.

Известила меня

Известила меня,
ожиданье повисло
рядом с кроватью на сонных часах,

Я в руках мну
 почерневшие листья,
 строки души в неизжитых стихах.
 Рваное время,
 упрямое время –
 суровый сармат с алебардной главой,
 Чует мой норов,
 вздохи хоронит,
 радость улыбок тревожит щекой.
 Жизненной силой,
 свежей страницей,
 склеились вееры дней на века,
 Я в руках мну
 пожелтевшие листья,
 капли секунд тишиной теребя.

Стоит Китайгородская стена

Стоит Китайгородская стена,
 на сцене улиц праздничная слякоть
 уселась под ногами, сочтена
 сугробов перламутровая мякоть...

Стою – курю, иду – курю, и вот –
 топчу сомненья быстрыми шагами,
 я ниже всех заоблачных высот,
 я выше отражений под ногами...

Сегодня город отдан пустоте,
 в чужие руки, вы же не рискнули
 излить сомненья в возгласе «не те»
 и без зазренья маски натянули...

Слова без цели мнет удар пинка
 и рвутся в недосказанность оттенки,
 и мысль длиною нового плевка
 упрямо метит сморщенные стенки...

Сам век так мал для битвы аксиом,
 дырявых истин, новых иноверцев,
 переступаю лужу – все потом,
 Гоморры ждут своих эпикурейцев...

Нерпа

Ластит восток одинокое море,
 Выступ откосый обрывом грозит.
 Важно уткнувшись в ледовое поле,
 Мудрая нерпа льда греет ланит.
 Хитрая нерпа отвагу таит.

тонет в зиме вода
белым ковшом до дна,
линии рек оплетает ветла...

Медное солнце уснуло в зените,
Раня сутулую снежную сталь.
Ажно лежа в меховом малахите
Гордая нерпа слез тушит хрусталь.
Вольная нерпа вдыхает дней даль.

трет ледяной щекой
вод голубой настой,
голосом сиплым неся позывной.

Хоть остёр меч - нечего сечь

Хоть остёр меч -
нечего сечь,
из уст повинных вытекла речь.
Плюхнулась в грязь
судорожь слов,
липкое тело ударил озноб.
Выпита всласть
дурная напасть,
меня разрушает твоя ипостась.
Падчерка неба,
служница дна -
волчья печаль не подставит плеча.
Вязью имен,
окрасом икон
лей колокольчик души перезвон.

...и туч литые якоря

Разъели мир
созвездий точки,
прижалось небо
синей квочкой
и вздрагивает фонаря
неукротимая слеза.
Заглохли вихри
переходов, простых
сомнений, уговоров
и туч литые якоря
цепляет полная луна.

Разлуковский Мост

Как же холодно – холод и только
отдаётся рукам от перил...
«Подвезти?» – «Подвезите, я Ольга»
«А куда отвезти, Вас? Кирилл»

Окунуться б в машину, как в Лету...
Выбор так очевиден и прост –
путь заказан любому поэту
прямоком на Разлуковский Мост.

Где любовь свою страстно хоронят,
проводив под вино и салют.
И любому, кого здесь прогонят
с горкой пре-не-пременно нальют.

«Всё. Немного осталось, вопрос:
Вам привычней, с какой из сторон?»
«А не всё ли равно!? Этот мост,
для любой из сторон разведён.

И опять будет холод и только,
отдаваться рукам от перил...
Сколько будет разлук ещё, сколько!?
Расстаёмся и с Вами, Кирилл...

**Разлуковский Мост - вымысел Автора*
09.02.09

В старом парке

Тускнеет двор, я в старом парке
хочу сентябрь разглядеть.
Чугунно-выгнутые лавки
листвой засыпаны на треть.

Бездомный пес так по-сентябрьски
глядит разумно. В октябре
он будет озираться хамски
и очень злобно в ноябре.

Врасплох застала паутина,
коснувшись на лету руки.
А раздумываясь, светило
всмотрелось в зеркало реки.

Река пустила шлейф багряный,
а ветер брызнул желтой хной
кленовых листьев. Парком старым
мне довелось идти одной.

24.09.2009

Немного Волги

Рассказал мне друг, едва дыша:
“душу продал за тебя в лесу”

...у России щедрая душа,
я тебе немного принесу...

Русь не бросит своего дитя,
о душе её заплачет ива.

...я немного Волги для тебя
зачерпну в бутылку из-под пива...

и когда-нибудь прощу себя,
за отобранный у друга рай.

...милое, распятое дитя
Родину хоть ты не продавай...

26.12.09

Вчерашний день

Восходит ток у дерева в стволе...
Запуталась Судьба в своём вязанье,
оставив ствол в болезненном узле,
вчерашний день казался осязаем...

У кроны святость средоточие,
венцов терновых исчислима тень...
И где-то между рёбер древоточцем
затикает не вывязанный день.

Судьба сгорбилась над своим вязаньем,
корней узор мышлению сродни,
и стало самым страшным осознание -
вчерашний день теперь не обратим.

20.02.2010

Эти окна

я смотрю в эти окна чужие,
а за ними земля низко-низко,
на которой цветы неживые,
словно стекла целую, так близко.

чем больней, тем дороже вдвойне.
в этом городе жизни ломают.
там внизу тот, кто дарит цветы мне.
я их наземь - они умирают.

4.03.2010

Принцы

сосед Петька смеётся, смущается
папироску прячет, будто мать не знает.
на мои ножки так озирается
голодным волком, а оглянусь – зевает.

придётся доставать рваные джинсы
велосипед коротких юбок не любит,
да во всех окнах прыщавые принцы
увидят меня такую и закурят.

поддавшись желанию, будут в ванной
нервничать да и задерживаться долго
потому я в джинсах весьма гуманной
закручу педали, скинув со лба челку.

4.03.2010

Кухонные посиделочки

она когда не спит, такая бойкая,
а дни обглаживает как собака кости.
просит иногда выпить с нею горькую
и ни разу “горько” ей не кричали гости.

нашинкует салат как пулеметчица,
заманит на кухонные посиделочки.
кормит и думает, как к морю хочется,
где много мальчиков и ни одной девочки.

угловато с ней смотрим на мир, как кошки,
когда грустим, мы плачем навзрыд мелодрамно.
сейчас сядем на стул, поджимая ножки,
вдруг чихнем и посмотрим на мир панорамно.

5.03.2010

На память

один город для нытья, другой для питья,
третий для битья...об сиреневый кафель
в белоснежных пернатых разводах. Не я -
весна о тебе прохрипела сквозь кашель.

и ты долго там будешь стоять? и долго?
и не говорить и не дышать...лишь видеть
как расширяется к моим ногам Волга,
после сужается в очень долгую нить.

о том городе на память возьму с собой
Юльку, она красит потолки в синее.
на фарфоре своей щеки резко рукой
нарисую румянец - так красивее.

она складывает жизнь по чемоданам,
скоро повезу её к городам к иным,
смотрит на часы и говорит: "рано нам",
а его оставлю таким неузнанным.

21.03.2010

Дмитрий Моденов

г. Екатеринбург, Россия

Че.Ша

Что вновь тебе снилось за ужином?
Шепни, если горло простужено,
а я постараюсь услышать
и, выкрутив в комнате лампочки,
их выброшу, вынесу тапочки,
оставлю будильник на крыше.

Часы в нас швыряли обедами,
поэтому вслед за монетками
я их растерял по ломбардам,
слюной подавившись сконфуженно.
Что вновь тебе снилось за ужином?
Что дети, взрывая петарды,

домой возвращаются дробными?
Шаги твои стали подобными,
улыбка, глаза-мониторы,
дрожащие плечи, с которыми
дрожит целый город за шторами
от автомобиля мотора.

Шагни, протяну две ладони я.
Что видишь ты в них? не огонь ли я?
а может быть, страх за обоих
и в нём, как и ранее инею,
всё тот же вопрос светло-синему:
как клеить на небо обои

широкими красными лентами?
Что видишь за грязными стенами,
за запахом кисломолочным?
Что дети, играя с собаками...
Шумит где-то музыка, драками
сменяясь, и, кажется, ночью.

Что спрашивать, если неслышными
мы стали и вроде бы лишними,
актёрской несыгранной ролью?..
Шуршит домовой за заботами
украденным бытом и нотами,
случайно просыпанной солью.

13 февраля 2009

От копчика до шейных позвонков

От копчика до шейных позвонков
Бежали импульсы со стёртыми подошвами,
И много-много непонятных слов
Толкалось рядом с фразой недоношенной.
А мысли, и чужие, и свои,
Укладываясь в новую артерию,
Конечно, забывали по пути,
Как выбраны и по чьему критерию
Намешаны. Так появлялся тромб,
Он преграждал проход стихосложению,
И снова, как по щучьему велению,
Шедевра погибал паром.

11 августа 2009

Цвѣта лимона

Расширяясь, два лёгких за стены больницы,
Возведѣнные в древности богом шафранным,
Выползали на солнце, как глаз из глазницы,
Когда очень устал от жены и дивана.
А на солнце казалось, что койку и стены
Вышивают в избе руки сгорбленной бабы:
Цвета жѣлтого нить, да игла у колена,
Да прерывный напев про мирские ухабы.
Эта песня – из стен и, как стены, конечно,
Коль вдохнул, выдыхай – это буква закона.
Цвета мела рубашка, стянувшая плечи,
С давней вышивкой нежного цвета лимона.

21 августа 2009

Пчелиный бог – Здесь и Сейчас

Я разрёзал кусачками Слово
и увидел сокрытые соты,
Из которых, запачканный мѣдом,
покатился созвучий горох.
И в груди (из-за осени что ли?)
завертелось сезонное что-то –
Это призм шестигранных и липких
ошмелевший, воспрянувший бог.

Что же, с богом! – снаряд насекомых
грудь размазал, как выстрел базуки,
По стесняющей старой футболке –
древнегреческий красный нектар.

Я заснул под повисшие возле
перепончатокрылые звуки,
Подключив состояние бога,
чтобы сбить человеческий жар.

1–2 октября 2009

Трещины оконных рам

Эти белые-белые ниточки... (чей я?)
протянулись к рукам из оконных морщин
и рассыпались в них, как сухое печенье
рассыпается – ррраз! – от шипованных шин.

Прислониться к стеклу и задуматься... (как ты?)
о стеклярусных крошках, зажатых в кулак.
Многоразовым жалом прицелился кактус –
излечи эту рану, ручной Эскулап!

За стеклом – листопад. И потерянность листьев
говорит об одном – с сединой пополам:
эти белые ниточки – только предвестье...
и начало конца полосованных рам.

10 марта 2010

Юлия Нелюбова

г. Смоленск, Россия

Зелёный чай в фарфоровой посуде

Зелёный чай в фарфоровой посуде
остыл давно на письменном столе.
Запас улыбок безнадежно скуден -
мне без тебя так пусто на земле.

Стоят часы, устала батарейка
передвигать дрожащих стрелок тень,
теперь их бесполезная семейка
сучает в повседневной суете.

Где тишина ко мне привычно жмётся,
и обнимает, память дней дробя...
А сердце бьётся, слышишь, оно бьётся!
Ещё не веря, бьётся для тебя...

На город сыплет белую труху ...

На город сыплет белую труху
холодное обветренное небо,
луна большим белёсым диском хлеба,
закрыв глаза, зевает наверху.

Мелькнув стрелой, отважная звезда
нашла себя в стремительном полёте,
в сугробов плен нырнула на излёте,-
блестит в снегу, как чистая слюда .

Я сплю тепло укрывшись с головой.
Мне снится Крым. На столике у края-
с жасмином задремала чашка чая...
Мне снится мир наполненный тобой.

Снег хлопьями и невдомёк со сна,-
сегодня утром первый день... Весна...

Разбилось солнце в кровь о горизонт

Разбилось солнце в кровь о горизонт,
разлив по небу алые чернила...
От наводнения не поможет зонт,
и от грехов потухшее кадило.

В игорном доме не найти покой,
когда в клещах у липкого азарта,
ты ставишь жизнь дрожащею рукой
и, замирая, получаешь карты.

Здоровья не добавит твой запой,
когда теряя облик человека,
ты пьяный, неопрятный и тупой
«боярышник» глотаешь у аптеки.

Любви не принесёт пустая страсть,
за деньги разделённая с путаной.
Не в радость тебе станет даже власть,
когда боль в сердце будет непрестанной...

Захочется сначала жизнь начать
и в новый день всё с чистого листа...
найти себя и больше не терять...
Но, чтоб идти, сначала нужно встать.

Благовест

Холодным взглядом вдаль, через стекло.
В душе покой – на улице ненастье...
Горячим чаем губы обожгло,
Семьдесят пять – ритм жизни на запястье.

С балкона вниз, там люди-муравьи,
Безликая и серая трясина...
В наш век финансов им не до любви,
Перед рабами истина бессильна.

В здоровом теле не здоровый дух,
Смотрю на церковь, надо бы к иконе,
Великий Благовест ласкает слух,
На службу созывают с колокольни.

Хватаю куртку, по ступенькам вниз
В руке псалмов священная брошюра...
«простите, оступилась...сорри плиз...»
А вслед ответ: «Куда несёшься, дура!?!»...

Когда надежда снова не сбылась

Когда надежда
снова не сбылась,
а в мыслях поселилась
безнадёга;
мне, по-хозяйски, сплин
сплетает грязь,
где много беса и
так мало Бога.
Когда разбита
гордая мечта,
на миг блеснула
и исчезла всеу,
мне тет-а-тет
немая пустота
озябшим цветом
небо разрисует.

Скрипя по сердцу,
разум правит злость -
надежда не обязана
сбываться.
Но я откину
состраданья трость,
чтоб, всем назло,
без боя не сдаваться!

Ода поэту!

Поэт, он вам братцы не графоман,
хоть пишет он очень много,
просто за словом не лезет в карман
и слоги считает строго.

Кружит этот рой и ночью и днём,
мешая уснуть поэту,
ведь, если поэт случайно уснёт,
не быть одному сонету!

А это не мыслимо допустить!
Лишить этот мир творения!!!
Бессонные ночи он будет строчить
прекрасные стихотворения!

Так что довольно поэта терзать
о синяках под глазами,
стоит лишь опус Вам сей прочитать
и Вы всё поймёте сами!

Я свой обещаю исполнить долг,
излить всё что свыше придёт!
И даже предвижу счастливый итог!
Признание гения ждёт!!!

pro ОСЕНЬ

Вздыхает день, туманами клубя,
устало солнце клонится к закату, -
лишь юный ветер, ветви теребя,
срывает листья и несёт куда-то...

Иду одна под струями дождя,
смотрю на отражение неба в лужах,
ловлю твой взгляд, безмолвно уходя,
а сердце рвётся: как же ты мне нужен!

Но капли влаги облегчают боль,
остудят чувства и залижут раны,
забуду я, что значит жить тобой...
и сердце стерпит это, как не странно

и больше ни о чём меня не спросит...
На улицы лисой прокралась осень...

Ранним утром...

Ранним утром тоска-в висок,
жизнь течёт,
как сквозь пальцы песок.
На душе-тяжким грузом печаль
и потерянных дней не жаль.
Боль моя для всех тот же бред,
а для многих меня просто нет,
равнодушие хуже розг-
через череп и прямо в мозг...

Но мир светел-живёт, цветёт;
жизнь вокруг не стоит- идёт,
завтра я соберу долги
иль прощу, только
ты не лги...

Корвет

Сдавлен стихиями
Утлый корвет,
Смерти мы смотрим в лицо.

Робкое пламя
Андреевских лент
Тешит надежд естество.

Жизнь правит телом,
Но сил больше нет,
Смерти оскал на устах.

Чести не предали
И меркнет свет
Чаша земная пуста.

Жадные воды
Разинули пасть,
Волны накрыли людей.

Миг и не видно
Палящую снасть,
В бездну обрушился день.

Человек дождя

А за окном хозяйничает дождь,
бредёт по крышам и зонтам лениво...
Он будет ждать и верить терпеливо,
что ты придёшь, ты всё-таки придёшь.

Он в одиночество не верит, нет,
он ходит уталяя чью-то жажду
и в тайне так надеется однажды
почувствовать любовь к себе в ответ,

увидеть снова тёмный силуэт,
по улице знакомой проходя,
где фонарей разлит вечерний свет,

вновь в осень выйдет человек дождя,
в свой неизменный серый плащ одет,
он улыбнётся в ливень уходя...

Елизавета Венгерская

*Однажды, возвращаясь домой, Людовик встретил Елизавету,
которая несла еду в переднике.*

*Повинуясь требованию мужа, она развернула его, чтоб
показать, что там не хлеб, а розы и там действительно
оказались прекрасные белые розы!*

*В тот же момент Людовик увидел над собой светящийся крест.
Он взял одну из роз и пошёл своей дорогой.*

Говорят, что он хранил ту розу до конца своей жизни.

*Елизавета Венгерская (Тюрингская)-
(7 июля 1207 — 17 ноября 1231)*

Людовик IV, ландграф Тюрингский(1200-1227)

Давным-давно в чужой стране,
где добродетель не в цене,
где честность, щедрость как порок,
жила она, на свой порог
пускала нищих и сирот –
насытить каждый жадный рот.

Был муж ее красив и смел,
но нравы рушить он не смел,
и повторял ей: ты прости,
но помощь нищим не в чести,
монеты звон – всему цена -
в нём доброта припасена.

И вот однажды, хлеб тайком
она взяла, покинув дом
помчалась к городской стене,
где раздавала хлеб, в толпе
на оживленной мостовой
её окликнул голос: стой!

И отделившись от толпы,
ей муж сказал: куда же ты,
так спешно ускоряешь шаг
и что ты прячешь в покровах?
Она же, робко отступив,
сказала тихо: будь учтив

и, развязав передник свой,
явила вмиг букет большой
прекрасных, снежно-белых роз!
Одну из них с собой унёс
Людовик - и хранил всегда,
покуда не пришла беда.

Осиротив свою семью,
Людовик храбрый пал в бою.

Анна Павлова

г. Барыш, Россия

Ручеёк журчит звонко, напевно...

Провалюсь в стоге свежего сена,
Чай из трав полевых заварю.
Ручеёк журчит звонко, напевно...
В унисон ему песню спою.

Колокольчик лиловый качая,
Деловитая пчёлка жужжит.
Солнце пуще, сильнее припекая,
День прозрачный лучом золотит.

Высоко в небе ласточки реют.
Восхитителен плавный полёт.
Звонкий щебет их так сердце греет,
Что уходит душа от забот.

Раздаётся без умолку стрекот
На зелёном душистом лугу.
Ручеёк журчит звонко, напевно...
В унисон ему песню спою.

Несложные сложны вопросы

Несложные сложны для нас вопросы,
Когда сомненья-призраки шалят.
Порою хочется уйти от прозы,
А строки-птицы в рифму не летят.

В полночном небе звёзд не сосчитать...
А разглядеть мешает поволока.
Мы цели начинаем забывать,
Когда запутывает нас забота.

Природа дышит силой вдохновенья,
Фонтаном мудрости и красоты.
В ней пристань нашего спасенья,
Ответы на вопросы о любви.

Татьяна Ротанова (Вирява)

г. Санкт-Петербург, Россия

Вирява

Во мне живёт дух леса млечным соком
Трав диких, тайным шепотом листвы,
Корней переплетением, истоком,
Чьи воды чудодейственно чисты.

Во мне дух леса стелется туманом,
Парным зверино-птичьим молоком,
И тихим часом, предрассветно-ранним,
Раскроется диковинным цветком.

Во мне дух леса кружит высью неба,
Кудрявых крон бушующей листвой,
Таинственной пульсацией Денеба,
Спасительной Полярною звездой.

Во мне дух леса песней величавой
Звучит-звенит ликующей весной,
И не случайно я зовусь Вирявой -
Эрзянскою богинею лесной.

Эрзянь Мастор

Ушедшей в Лету Атлантидой
Зовешь меня во тьму веков -
Границы стерты, метки сбиты,
На картах не найти следов.
То Русь Пургасова, то волость,
То буквы горбятся "м о р д в а",
Где затерялась твоя вольность?
Куда исчезла ты, едва
Пургаза войско истребила
Рукой мокшанскою орда?
Забыта нами предков сила,
Исчезли наши города.
Где Обран Ош стоял на круче? -
Не Нижний Новгород младой! -
Был самым крепким и могучим
Форпост эрзянский боевой.

Леса завистников прельстили
 И плодородная земля.
 Как летописи все гласили:
 Кровавая война была.
 Не освоение пространства -
 Захвачена Земля Эрзян.
 Агрессия и самозванство -
 Князь Юрий на разбои рьян.
 Горит земля в смертельной схватке,
 Ока и Волга кровью рек
 Омоют бедные останки
 Страны безвестной - имярек!
 ...Где Эрзянь Мастор процветала? -
 Лесная дивная страна! -
 Природной силой обладала,
 Хранила предков имена? -
 На сей вопрос не жди ответа,
 На картах не найти следа,
 Одна из рек Аида – Лета,
 Всё поглотила навсегда...

Эрзянь кель

Язык родной - зов крови, плен тоски.
 Свободы нет, а есть чужая воля.
 Но вновь пробьются первые ростки
 Бескрайнего эрзянского раздолья.

Непокоренным, однокоренным
 Рокочущим, мятежным, звонким - эрзя,
 Напоминаьем – сладок отчий дым!–
 Звучишь в названиях «Рязань» и «Пенза».

И Арзамас несёт твою печать-
 Олёны Эрзамасской горстью пепла.
 Каким же Духом надо обладать,
 Чтобы в потомках память не померкла?!

Язык родной, несломленный бунтарь,
 На радость страждущим ты вновь воскресни!
 Пусть возродиться драгоценный дар,
 И вновь звучит древнейший эпос эрзи!

Иненармунь

Не птица счастья, птица Иненармунь
Летает над стреноженной Россией.
Животный страх перед нелёгкой кармой
Толкает к ожиданию Мессии.

В грехах погрязли, костенеют души,
Возмездия страшатся в пекле ада,
И всё же без стеснения разрушить
Спешат святилище родного брата.

И Авель жертвой падает кровавой,
И Каин не смущается проклятья.
И, призрачной обманутая славой,
Гола Россия, как король без платья.

Вновь странников лохмотьями пугая,
Она стоит на дольном перепутье.
Но весть придет неожиданная, благая, -
Священной птицей, - лишь расслышьте, люди!

*Иненармунь - буквально Великая птица, которая помогла
творцу мира Инешкипазу создать земных и небесных богов,
Святой Дух. Эрзянский героический эпос «Масторава»*

ПРОРОК

Не помним мы пророков имена,
А если быть точнее - их не знаем,
Не чтим, не дорожим, не поминаем:
Юродствует в беспамятстве страна.

Репешть эрзянских выжжена земля,
В священных рощах не слышны моления,
Сбываются пророчества виденья:
Мы канем в лету, догорим дотла.

Не здравый смысл, а похоть и тщета
Ведут по жизни, правят нашим миром,
И, поклоняясь чуждым нам кумирам,
От истины уходим в никуда.

Но Алексеева Кузьмы слова
Горят во тьме, как светоч во вселенной,
Мы к ним придем - так кровь течет по венам,
Вновь возвращаясь к сердцу. И права

Молва людская: близится тот срок,
Когда на Землю дух его вернется
Пазмарием. С лучом последним солнца
Эрзянский, третий, явится пророк.

*Алексеев Кузьма - эрзянский пророк, по преданиям в конце
20-го
века родился третий, последний пророк
Репештя (эрз.) - участок под посеv
Пазмарий (эрз.) – пророк*

Торпинге. Время мечей

На древней стене их наследственный щит
И заржавленный меч их висит...
М.Ю.Лермонтов

...Ты говоришь: - Мы на земле лишь тени,
Оставленные солнечным лучом,
Довольно ль Духа - разрубить сомнений
Гордиев узел доблестным мечом?!

Довольно ль Духа - вырваться из плена
Мордовской фальши?! прозвище отсечь!
И да поможет нам восстать из тлена
В эрзянской сече закаленный меч.

Возможно ль избежать путей "торпинге" -
Полынный запах времени мечей?!
Забытых сёл заросшие тропинки,
Земли эрзянской высохший ручей

Взывают к нам. И мы встаем из пепла,
Пророков вспоминая имена,
Чтоб мудрых предков Вера в душах крепла,
Чтоб прорастали наши семена.

СУНГИРЬ

Следы стоянки на ручье Сунгирь,
Захоронений древние обряды,
Из недр веков останки тел изъяты -
Священной охрой окропленный мир.

Великих предков обнаружен след
На Русской перепаханной равнине,
С ним не сравнятся римские руины -
Века ничтожны! - Тридцать тысяч лет

Нас отделяют от былых времен.
Египта меркнут чудо-пирамиды.
- Мы, ваши предки, были родовиты... -
Доходит эхом зов родных племен.

«Мы жили не законами зверей,
Любовь царила, путь нам освещая,
Соцветьями-свечами иван-чая
Нас согревала, делая мудрей.

Руками наших добрых матерей
Одежды шились, делались игрушки –
Сунгирьские лошадки, кольца, рюшки, -
Жизнь украшали щедростью своей.

Мы счет вели трофеям и годам:
Орнамент пятиточечной порукой.
Мы не охотой жили, а наукой
Быть благодарными родным Богам.

И головою к голове детей
Мы возложили на алтарь бессмертья,
К ушедшим рано - просим милосердья,
И в небо запускаем голубей» -

Так ритуал священных близнецов
Исполнен был торжественно-угрюмо.
...Нас россыпь бус истлевшего костюма
вновь убеждает, что родная кровь

Питала жизнью этот бренный прах.
И встречным эхом тех тысячелетий,
На их любовь любовью мы ответим,
Сомнений победив животный страх.

И пусть молчит эрзянский родослов,
Исток Руси сознательно скрывая,
Сунгирь поет: Я – весточка живая,
Эрзянских русов архидревний кров.

Жить в хаосе желаний, мыслей, чувств...

Жить в хаосе желаний, мыслей, чувств,
Метаться в поисках пути и слова,
И на краю опасного разлома
Вновь в строй вставать, идти плечо к плечу.

Прислушаться, всмотреться в кутерьму,
И попытаться выявить причины.
Не дать обрушиться слепой лавине
В безвременье пустых кровавых смут.

Найдем ли жизни мудрое зерно,
Значение вернем ли делу чести?
Не опуститься до бездарной лести,
Ценить лишь неподкупное зеро.

Светлова Лана

г. Севастополь, Украина

Женщина

Милая, дивная, нежная!
Пусть ты совсем не святая.
С неба однажды сошедшая.
Женщина дорогая.

Словно голубка белая.
Ангел мой неземной!
Что же со мною сделала?
Свой потерял покой.

Страстная, жгучая, шалая.
Словно поток луговой
Чувства мои обветшалые
Ты оживила собой.

Чудная моя девочка!
Ты мне дороже всех.
И я ночами тёмными
Слышу твой звонкий смех.

Вижу, глаза зелёные
Светом Любви полны.
Ветром с тобой обвенчаны.
Счастьем обручены!

Другая я теперь

Опять без сна, а город тихо спит.
Опять весна, и дождь в окно стучит.
Опять капель звучит по мостовой.
Опять апрель. Ты, как всегда, с другой.
Опять грачи вернулись во дворы.
Опять коты горланят песнь любви.
Всё, как всегда: весна, апрель, капель...
Вот только я, ...другая я теперь.

Весна в душе

А зачем повторять то, что прожито?
Ведь нельзя нам былое вернуть.
Просто тихая грусть растревожена,
И от дум в эту ночь не уснуть.

Все пройдет, знаешь, всё позабудется.
Уплывет вместе с талой водой.
И сегодня мне точно не чудится,
Ты почувствуй, как пахнет весной.

А весна - это новое, светлое.
Вновь подснежник в душе расцветёт.
Навсегда пусть уйдёт отболевшее.
Впереди ждёт невиданный взлёт!!!

Мой мир...

Плачет небо, и мой мир непрочен.
Ты не мне одной печаль прочил.
Не одной судьбу пророчил, знаю.
Я, как прежде, больше не летаю.
Пусть плывёт теперь земля, вижу.
Мне бы это всё принять, выжить.
Так хотелось всё понять, выждать.
Только почву из под ног вышиб.
Полететь бы мне подальше от дома.
В край чужой и мне совсем незнакомый.
Манит и зовёт вдаль дорога.
«Дай мне силы не свернуть!» - молю Бога.
Это рок или судьба? Я не знаю.
Но, как прежде, я в мечтах улетаю.
Знаю, ждёшь меня далёкий и веришь,
Что судьбу не проведёшь, не изменишь.
Верь, навеки суждено быть нам рядом.
И пришедшая любовь - нам награда.

Суть...

И снова слёзы по щекам, опять прощание.
Уходишь дальше от меня, но суть не в том.

Любовь, коль есть, её не гасят расстояния.
Да просто не было любви - вот дело в чём.

Снова встретим рассвет...

Вильет душу свою... воск расплавленный, тёплый.
И потухнет фитиль, не успев догореть до конца.
Глаз твоих не увижу во тьме, но я знаю - им мокнуть,
Не от слёз, от дождя, что по крыше стучит до утра.

Пусть прольются дождём все обиды твои и печали.
И растает тоска, как туман над притихшей волной.
Снова встретим рассвет, как когда-то с тобою мечтали.
Только знай, наш рассвет будет ярче в сто крат.

"Явь с неявию встретиться смогла"

Ангел мой, я знаю, ты со мной!
Ритмы сердца слышу постоянно.
Хоть невидим ты, но чувствую душой,
Как выводил о любви своё сопрано.

Помолчим с тобою в тишине,
Разве нам нужны сейчас слова?
Чудный лик твой вижу при луне.
Может, я тебя придумала сама?

Дай мне знак, что это был не сон.
"Явь с неявию встретиться смогла"...
Но молчит мой старый телефон,
Видно, всё же не нужны слова.

Потеряшка

Смотрю на мир безумными глазами.
Неужто он убог и мрачно сер?
Где ж девочка, что тёмными ночами
Смотрела в небо, звёздами горев?
Где хохотушка с длинными косами,
Что жить могла, опасности презрев?
Которая любила без оглядки,
В своей любви, как уголёк, истлев.

Ты уходил...

Ты уходил, а сердце вслед стучало!
Рвалось и билось колокольным звоном.

Ты уходил, я вслед тебе молчала.
Душа рвалась и исходила стоном!

Ты уходил, глаза мои молили,
Чтоб не забыл обратной ты дороги!

Ты уходил, я в небо прокричала:
"Вернуть его позвольте мне! О, боги!"

Ты уходил, покрыли небо тучи,
И молния рвала его на части.

Ты уходил, и почва уплывала.
Так я познала, как уходит счастье...

С тобой останусь навсегда!!!

Я улетаю в царство грёз вслед за тобою.
Там, где сиреневый закат, глаза открою.

Средь звёзд зажжем с тобою мы Любви свечение.
Там Вера и Любовь живут, им нет забвения.

Ты в Свет дорогу мне открыл, и я парила.
Я столько лет тебя ждала, тебя любила!

Не разлучат нас никогда тьмы чёрной тучи.
С тобой останусь навсегда, ты – самый лучший!!!

Не держи меня, не держи

Не держи меня, не держи.
Не могу больше жить во лжи.
Не могу я в неволе петь.
Не могу я в силках взлететь.

Не держи меня, не держи.
Не любить мне, как прежде тебя.
Не встречать на лугах рассвет.
Не поймёшь ты, что я не твоя.

Не держи меня, не держи.
Не вернуть нам любовь и страсть.
Не хочу больше жить во лжи,
Не хочу я с тобой пропАсть.

Не держи меня, не держи.
Не вернуть нам ушедших чувств.
Не держи меня, не жалеи.
Я к тебе никогда не вернусь.

Наиля Узурова

г. Алматы, Казахстан

В угоду жанру просится накал

В угоду жанру просится накал,
У двух сердец нет шансов на затишье.
Горячий слог и нервная строка
Ожгут и опалят четверостишья.

Два голоса, слагающих сонет,
Услышать сложно - полночь виновата.
Желаньям непривычно слово «нет».
А не сонет, так пусть звучит соната.

Наивно думать, что пройдет само
Решение предаться ласкам грешным.
Умом страстей понять не суждено.
Плоть вечно будет дамой безутешной.

Разверзнется вселенная в ночи,
Одним дыханьем ставшая тобою.
Свободных чувств не вырвут палачи,
Иди, возьми меня, как греки Троя!

Твори во мне безудержный накал,
Сливай в одном коктейле оба тела!
Я так ждала, чтоб ты меня ласкал.
Наверно, это всё, что я хотела.

Аллах велит, почуяв жажду - пей.
Кипи же, кровь! Замри и вздрогни, мускул!
Арык страстей наполнит средь степей
Любви земной иссушенное русло.

Дорога

Ты идёшь по дороге, красивой как сказка,
Ясным днем, в антрацитовом блеске в ночи,
И под ливнем идёшь, как под шепотом сладким,
Ты идёшь и о чём-то молчишь...

Всё вперёд и вперёд, задевая рукою за небо.
Отразится в улыбке пути полоса.
И шаги ускоряешь туда, где ты не был,
Ветер, шрамы целуя, поёт в волосах.

Ты мне нравишься, путник, за свет и веселье,
 Что приносишь с собой по дороге снегов,
 И за музыку в сердце, без тени сомненья,
 За восторг от цветущих садов.

Тебя любит дорога, и ловит, и манит
 То уютом гостиниц, то серостью стен.
 То зовет за собой, то исчезнет в тумане,
 То пытается взять тебя в плен...

О прощенье прося, вдаль дорога несётся,
 Веря в дружбу, она породнилась с тобой.
 Пусть земная любовь лишь мечтой остаётся,
 Той, что светит в ночи путеводной звездой.

Ты пути не боишься, и идёшь за туманом,
 За звездой, что застыла навек,
 Не боишься опять обмануться обманом,
 А дорога шепнет: "Ну проснись, Человек..."

Ищи себя среди толпы

Взяв в руки лиру, не напишешь оду..
 Пером же не сыграть кантату...
 Стремленье, моде ли в угоду,
 Всегда во всем искать цитату..

Уж если ты рожден поэтом,
 То будь любезен, слог слагай.
 Чтоб стих светился ярким светом,
 Изящных красок добавляй.

И в музыке язык прекрасный
 Не каждому дано понять.
 Но нотой можно, как по маслу,
 С души тяжелый камень снять.

Ищи свое предназначенье,
 Себя ищи среди толпы.
 Постигнув тайну увлеченья,
 Быть может, счастлив будешь ты.

Когда на зеркале воды...

Когда на зеркале воды
Ты видишь отраженье неба,
Там нет и тени суеты,
Лишь тишь да гладь, в которой не был.

Закрой глаза, вдохни покой,
И помолчи с горами вместе,
Дотронься теплою рукой
До ветра, что чудесней песни.

Елей тянь-шанских вкус вдохни,
Вдохни в себя - все это чудо,
Душой и сердцем отдохни,
Ведь ты с природой вместе будешь.

Песенка пирата

Холост ты, или женатик, нуль здоровья иль понюшка,
Захвати, пират, для странствий бриг, а может быть корвет.
Ты прикинь, как лягут кости, вытри соль морей на пушках...
Встань, бодряк, закутай тело в крепкий мышечный корсет.

Мода странствий - наша марка, кто не с нами - горя хапнет.
Риска много. Но сраженье - ведь не худший вариант.
Сил на подвиг не жалея, жизни пей вино по капле!
Прихвати кожан на север, дай приказ взять провиант.

Рим - встречает итальянка, Дублин - гордая ирландка...
Словно сор, любая ревность. Гамадрил ревет сквозь сон.
Мошкара, пускай. Но, знаешь - в сто карат желаний планка,
Апельсин к столу и манго, персик или патиссон.

Вон, у острова стоянка. Там скала, а дальше сопка.
Вон, огни костровых точек. Сердце - будто бы насос.
Ты крадись, старик, как мышка, лезь как соня по верёвке,
И пускай по всей планете ноет враг сигналом "SOS"...

Отзовись, Поэт!

Звучи, набат! Страною правит ложь.
Достоинство - на службе у сатира.
Немые рты. В ногах противна дрожь.
Ища ответ, к тебе взываю, лира!

Кто в силах мир освободить от пут,
Что сплетены из ханжества и чванства?
Где отыскать любви земной приют
Среди измен, разврата и коварства?

Как дочерей мне уберечь от бед
Пустых раздоров, глупости и лести?
Восстань за правду, истинный поэт!
Приди на службу совести и чести!

Пускай набатом сей звучит сонет.
К тебе взываю. Отзовись, Поэт!

На Карловом мосту

Стою одна на Карловом мосту.
На гладь воды чужой
смотрю уныло.
Как в этом городе всё
скучно
и постыло.
Гляжу на Влтаву, будто в пустоту...
А мне опять пригрезился Париж.
Сад Тюильри, порой,
ночами снится.
Как быстро ты сумел со мной проститься
на перекрёстке,
с криками афиш.
Ловлю ночами тихий сердца стук,
и жду подарка почты электронной...
Бежать,
бежать из Праги монотонной,
чтоб вылечить болезненный
недуг.
Мне лижет руку дворовой щенок.
Застыли пальцы,
в них ни капли крови.
Смотрю на воду.
Молча хмурю брови...
Нет, не по нраву мне такой итог.
Не Д'Артаньян ты, милый,
не де Гиш!
И нет во Влтаве
капельки от Сены.
Скорей,
скорей бы вырваться из плена
унылой Праги.
Жди меня, Париж!

Навылет пуля...

Навылет пуля,
И ноет рана.
Любовь в слезах
Познала рано.
Рукой холодной
Коснулась робко,
Трепещет сердце,
Как в пальцах чётки.
Безмолвны губы,
В висках пробои.
Теряю разум,
На грани воли.
Тебя целую,
Разряд по телу.
И точно знала,
Чего хотела...

Когда ты будешь далеко...

Когда ты будешь далеко,
Все потемнеет страшным цветом,
И сердце плачет оттого,
Что просто думаю об этом.

Мне не уйти от той беды,
Что радость пропадает в бездну..
Когда мечты моей следы
С тобою вместе вдруг исчезнут...

Другой

Как странно в жизни происходит:
Спокойствие вдруг чуждо мне..
Ко мне во сне другой приходит,
Душе приятней быть в войне.
И думать стала не о том,
Сама себя в войну втянула.
Как на запретное взглянула,
И не спрося: "А что потом?",
Бросаю вызов равновесию,
В себе взрастить пытаюсь бестию,
И, будь что будет - не жалею...
Себе соврать я не сумею,
Не думать не могу о нем.
Горит душа, горит огнем,
Война идет меня со мною,
И не назвать ее игрою...

Стремясь постигнуть таинство любви...

Стремясь постигнуть таинство любви,
мы часто попадаем
в сети страсти...
Вновь ищем и находим.
Се ля ви.
Найдя же, верим
в пойманное счастье.
А за окном то солнце,
то метель.
А на душе смятенье
и тревога.
И снова утро,
вечер
и постель.
А где-то ищет
посланный от Бога.
Плесни, мой друг, еще вина в бокал!
Сомненья снимут терпкие пилюли...
Ласкай меня,
как суженый б ласкал.
Ведь я твоя! Люблю тебя...
Люблю ли?...

Октябрьский сонет

В лавине чувств мне разобраться сложно,
Когда печет в груди не от болезни.
Тоски любовной снова вызов ложный,
Как в сердце кол отточенно-железный.

Не вскрикнуть бы, коснувшись теплой кожи,
Не выплеснуть бы ласки бесполезной,
Ведь не мила скупая осторожность
В обрывках струн, измученных надеждой.

Мне в октябре весны уже не нужно,
Скоблит по гляncу потускневший вечер,
Земная радость оказалась чуждой...

С тобой прощаюсь на минорной встрече,
Спешу домой, засматриваясь в лужи,
Ищу пути, но нахожу лишь млечный.

Максим Шипицин

г. Екатеринбург, Россия

Комната смеха

Я в зеркала смотрю...
в кривые зеркала -
где вытянется нос,
где растолстеют ноги.
На мысли вдруг поймал себя:
как в жизни изменяются пороки...
Сейчас ты вроде правильный такой,
а через миг - уже совсем иначе,
как будто кто невидимый, иной
нам зеркало подставил, не иначе...
Ведь кто-то же назвал
вот это сборище зеркал
ну, вроде, простенько,
но как-то нелогично...
«Комната смеха»,
маргинал*, видать, он был...
Ведь далеко не всем
в той комнате до смеха.
Уродство тела - как уродство душ,
какой тут смех, скорее слёзы.
Но платят деньги...
платят и идут
смотреть на зазеркальные «курьёзы»

*Маргина́л, маргина́льный челове́к (от лат. *margo* — край) — человек, находящийся на границе различных социальных групп, систем, культур и испытывающий влияние их противоречащих друг другу норм, ценностей, и т. д.

Обида между нами проложила

Обида между нами проложила
Не тропку, не дорожку - автобан...
И, вроде, не было причины,
Ан нет, нашлась же, где не ждал.

И разными словами поливая,
Расширило на множество полос.
Тот автобан, иль трещину меж нами,
Не думал, что вот так вот, и всерьёз.
И шрамы оставляли те слова,
Не дожидаясь ни на что ответов.
Вот так, иной раз, разбегаются друзья,
Хотя, уже там дружбы и в помине нету.
Опять смотрю «Молчание ягнят»,
И Ганибалла фразу повторяю,
А отраженье шрамов в зеркалах
О том, что прошлое - реальность, нам напоминают.

Маленькая девочка

Маленькая девочка,
Совсем кроха,
Держится за юбку,
Боится потерять.
Улыбаясь, вроде,
Кому-то с неохотой,
А другому дарит
Улыбку её мать.
Вроде бы, обыденно,
И, как будто, просто.
Вся эта картинка
В мимоходе дней.
Пробегут минутки,
А за ними - годы,
Девочка уже вот
С дочерью своей.

Все пророки, они ведь от Бога

Все пророки - они ведь от Бога,
Нет причины доказывать это.
Он один сотворил все личины,
Что сейчас существуют на свете.
Для него, может быть и неважно,
Кто играет с его именами.
Но пророк точно скажет однажды,
Будет что с этим миром и нами.

Спорить тут бесполезно, поверьте,
Ведь неведомо нам то, что будет.
Нам дано лишь самим изменяться,
И решать за себя в сонме судеб.

** Сонм (книжн. устар., теперь чаще шутл.)- Собрание, толпа, множество

Сегодня на улице дождь

Сегодня на улице дождь,
Нахмурилось небо над нами.
И льётся вода с облаков
Холодными неба слезами.

Не видно, что плачешь, иль нет,
Дождём перекрыло слезинки.
Какому-то мальчику вслед
Ты даришь мимолётно улыбку.

Сквозь всхлип улыбаясь ему,
А в памяти снова и снова -
«Поверь, мы не будем с тобой» -
Слова возникают сурово.

Что было, уже то прошло,
И сердце, увы, обожжённо.
Сквозь слёзы, улыбкой своей
Ты даришь уроки влюблённым.

Ты знаешь, рассветом сменяется вечер

Ты знаешь, рассветом сменяется вечер
Проходит и осень, сменяясь зимою, конечно.
А зиму сменяет весна, дальше лето...
Придумано, так нам дано, чтобы жить кем-то сверху.
Поверь, что пройдёт и тоска «одинаково сера»,
Весною душа расцветёт, как цветок первоцвета.
И груз упадёт, и возможно, что вырастут крылья,
Учиться летать, словно птицы, мечта так красива.

Кому дано увериться в себе

Кому дано увериться в себе,
Кумир не нужен, как и ни крути.
И будет трудно сотворить ТЕБЕ,
И САМОМУ не нужен он в пути.
Изменчив путь, которым мы идём,
И пышных «словесов» мы слышим рой,
Кумир, картинка просто на стене,
Иль кто-то так сказал: «картонный он герой».

Стеклянный короб и бетон

Стеклянный короб и бетон
Сверкает издали на солнце.
Кому-то дарит слово дом,
Кому-то нравятся оконца.
Вокруг пустырь ещё пока,
Но собираются построить
У мегаполиса бока -
Районы новых новостроек.
И кто-то будет мирно жить
За стенами стекла, бетона,
Мечтать, наверное, любить,
Иль просто быть, под сенью дома.

Прошлым жить невозможно, однако

Прошлым жить невозможно, однако,
Но не помнить, увы, не дано.
Что решали, порой, на бумаге,
И кипело по жилам вино.

Ты игриво своею походкой
Отвечала на любящий взгляд.
Но писала потом на записке -
“Извини, но ты сам виноват”.

Я пытался не думать и верить,
И порою не мог объяснить,
Что любовью, увы, не измерить
И словами, увы, не решить.

Ты писала, наверное, проще
Написать, не глядя в глаза.
Ведь бумага такое видала,
Между строчек осталась слеза.

Хотя нет, не слеза, а водицы
Каплей вниз с твоей головы
Не с ресницы, увы, не с ресницы,
Не слезинка, а капля воды.

Ты не плакала, ты решила
Не оглядываться назад.
Взгляд любви только ты убила,
Виноватый любовью взгляд.

Палитры разбросав разнообразье

Палитры разбросав разнообразье
По миру всех сердец влюблённых,
Эскизами рисует нам страданье
Судьбою строк и чувств определённых.

Проходя мимо окон

Проходя мимо окон,
По белым, в снегу тротуарам,
Поздно вечером кто-то
Ищет нежную, верную пару.
Половинку от сердца,
Ту, которую где-то оставил.
Потеряв незаметно,
Как он хочет всё это исправить.
И проходит, сминая
Лунным светом искрящийся снег.
Как же плохо бывает
Одному быть на грешной земле.
Одиноко, тоскливо,
Вспоминать... то что было, прошло.
Лунным светом играет

Переливом морозным окно.
А за ним половинка,
Та, которую он потерял.
И играет мелодию скрипка
Недописанный любовью финал.

Восемнадцать минут - не срок

Восемнадцать минут - не срок.
Восемнадцать лет - в жизни миг.
Но, как прежде, рождает слог
Что душой порождённый крик.

Ты вернёшься, быть может - нет,
И минуты, как будто годы.
Небо в клочья, меж тучами свет,
А влюблённость - всё тот же воздух,

Без которого нет дыхания,
А душа рвётся в ту весну,
Где была бесконечная нежность,
Та, которую вновь я жду.

Екатеринбург

Серые здания, Ленин с рукой,
Площадь мощёная, шпиль со звездой.
Город, который дышит отравой,
И Уралмаш с мировой своей славой.

Самый из самых, родней его нет,
Окнами вечером дарит свой свет.
Дарит прохожим, гостям и родным,
Песнь о Урале он видом своим.

Что при Татищеве было когда-то,
Катерины-царицы блестящая слава.
Как для неё за уральским хребтом
Город когда-то был возведён.

Храмом он славен, позолотой блестит,
Царской семье он прощеньем стоит.
Башнею серой, взметнувшейся в небо,
Кем-то «Свердловск» наречён неумело.

Ныне он снова, как было когда-то,
Катино имя носит на картах.
Катино имя в сердцах у людей,
Славное имя столицы моей.

Неторопливостью в ночи

Неторопливостью в ночи,
Считая звёзды млечного пути,
Сидишь и куришь, пьёшь вино,
И смотришь в тёмное окно.
А за окном луна мерцает серебром,
И лето дарит теплоту и негу.
И где-то там, укрыты серебром,
Читает мальчик девочке стихи о небе.
О звёздах, что сверкают ей с небес,
И о луне, которую достанет.
Подарком поцелуй, ему в ответ,
Глаза луны сверканье отражают.
А ночью распускаются цветы,
И дарят аромат свой всем влюблённым.
Стихи любви рождаются в ночи,
Для всех сердец, любовью окрылённых.

Нам листва не даёт покоя

Нам листва не даёт покоя,
Душу осенью бередив.
Главное, было же что-то такое,
Когда падали листья вниз.

Когда радовал глаз переливом
Осени жёлто-красный наряд.
Когда тихо сказала: “Милый,
Это всё навсегда у нас”.

Но обманчива осень нарядом,
И опавшей листвой кружа,
Нет её уже, милой, рядом,
Белым снегом кружит зима.

На стекле осталась дымка

На стекле осталась дымка
После вздоха твоего.
Тонкая, как паутинка,
Пропадает так легко
Отраженье в этой дымке,
Нежный взгляд, глаза в глаза.
Но ты таешь в этой дымке...
Я ж остался у окна.

Простая надпись на стене

Простая надпись на стене -
Посередине плюс,
Знак равенства,
А после, очень крупно:
"Любовь",
Написано не маркером - гвоздём,
Так, чтоб не смыли, на века, надолго.
Старательно чертил ты в темноте,
А девочка прошла, смеясь.
А ты смотрел ей вслед,
Тихонько злясь.
Не на неё, а на себя,
За то, что волю дал словам,
Рукам, и голова не понимала,
Что на стене, всё это -
Лишь слова.
А для Любви одних лишь только слов
Так мало...

Снова утро, впереди рабочий день

Снова утро, впереди рабочий день.
В голове такая дребедень,
неохота на работу, хоть убей,
но начнёшь, и снова будет день,
будет день и будет пицца для мозгов,
и общения будет много, много слов
слов и дел, успеть бы за день всё.
Ну, а вечером, опять искать своё,
в поисках себя проходит ночь,
кто бы смог мне в поисках помочь.
Кофе, карандаш и чистый лист,
за стеною тишина, ты тихо спишь,
ну а я сажу, курю и кофе пью,
и бумаге доверяю жизнь свою.

Рассказать непросто про себя,
то что было, как жилось мне без тебя.

До и после, да к чему слова,
хорошо бывало иногда.

Иногда не очень, ну и что ж,
всё проходит...

Каждый день по-своему хорош.

Главное - надежда есть всегда,
без надежды жизнь - не жизнь,
а ерунда.

Вроде, мыслей в голове скопился рой,
только ночь уже прошла,
и снова в бой.

Снова утро, впереди рабочий день,
жизнь: надежда, ночь и снова день.

Подлунный мир, он создан так

Подлунный мир, он создан так,
Что вечно? что не вечно? не вопрос...

Но, если есть желания у вас,

То живы вы,

Не превратились вы в компост....

Лукавство - не порок

Лукавство - не порок,

Лукавство - средство,

Которым надо пользоваться впрок,

Чтоб было позже нам на что-то опереться.

Удел свечи

Удел свечи, наверное, лишь в том,
чтоб сумрак ночи разогнать и дать увидеть скрытое,

любви секреты, ненависть иль страсть,

того, что незаметно под лучами солнца,

того, что явью не назвать,

ведь блик свечи так повторить непросто.

Загадками те блики на стене, пока горит свеча,

мечтами иль раздумьями нам наполняя душу,

фитиль уж догорает до конца, и снова в темноту

без свеч уж опускаются сердца.

Сергей Стукало

Мои давно умершие друзья

Мои давно умершие друзья
Живут во мне, дыханьем согревая...
Я жив пока, и ты ещё живая, —
Нам отказать в постое им нельзя.
Простое счастье — жить чужую жизнь,
Свою дотла для них, бывших, сжигая...
Альбомы черно-белые листая,
Мы жжём тоску. Ей нравится нас грызть.
Ещё живу, ещё вино глотаю.
Про них пишу: и прозу, и стихи.
Седин не крашу, и глаза сухи.
Живите вечно. Я — не прогоняю.
Мне сединою ранней проступать
Дано виной простого продолженья.
Я начинаю собирать каменья,
И продолжаю боли собирать.

26.01.2007

Реквием 08.08.08*(песня, музыка композитора Сергея Светлова)*

Этой странной войне только год, только год,
В чёрном платье вдовы её память живёт,
И звучит над страной пятидневный набат,
В “Чистом поле” её плачет огненный “Град”!!!

Я не плачу. Я боль свою песне отдал.
Плачет горько во мне незабытый Цхинвал,
Плачет горькая память цхинвальских сирот,
Этой странной войне — только год, только год.

Там в могилы стреляют всё те же враги,
Им вовек не дадут ни вина, ни руки.
И никто не спасёт тех сирот, кроме нас, —
Я — чеченский “Восток”, я — российский спецназ!!!

Это рай. Здесь деревья цветут в феврале,
Спят аланы и скифы в свободной земле,
Спят легенды и сказки минувших веков,
Но не дремлет бессонница сирот и вдов!!!

Я не сплю. Мой покой позабытый порвал
Незабытый набат — мой гортанный Цхинвал!
Город-призрак... Лишь тени сожжённых домов
Мне ночами приходят в сумятицу снов.

В бал его выпускной канонада поёт,
Город-воин в сочельник пощады не ждёт,
В его сон олимпийский приходят враги,
Ты от “Града”, Господь, этот град сбереги!!!

Моя память во мне сединою скорбит,
В чёрном платье вдовы моя радуга спит,
Я — отмщенье живое, я горло порвал,
Я ночами кричу твоё имя, Цхинвал!!!

Я кричу заголошно: “Я — жив! Не убит!
Я ещё не вмурован в цхинвальский гранит!
Я с тобою, Цхинвал, я такой не один, —
В каждом русском живёт его брат — осетин!!!”

Этой странной войне только год, только год,
В чёрном платье вдовы её память живёт,
И звучит над страной пятидневный набат,
В “Чистом поле” её плачет огненный “Град”!!!

Я не плачу. Я вам свою песню отдал:
Бабий Яр и Хатынь, Сталинград и Цхинвал, —
Плачет горькая память российских сирот,
Вновь последней войне — только год. Только год.

05.08.2009

Ты прости

Это доля моя, и моя колея, —
Рванным горлом клокочет Голгофа моя.
Это долг... У шального сознания вины —
В должниках каждый воин усопшей страны.
На погосте свежо... И растёт тот погост,
И блуждают ушедшие — там, среди звёзд.
Я молчу. Виноватому лучше молчать:
Осознание вины и молчания печать —
Это доля моя. Я умею терпеть —
И потери, и боль, и гранитную твердь, —
Под которой — мой дед... Говорят, «не забыть»...
Память стерпит такое — крошится гранит...
На погосты души — не зовут чужаков, —
Я живой — это только ушедшим легко.
Это дед возводил на стремнине мосты.
Он врагов усмирять и шальные мечты.
Он ночами не спал. Он страну поднимал.
Он — Победы Солдат, он — Судьбы Генерал.

Мне ж шагалось не так. И встречалось не с тем.
 И добра не скопил. И не сам. И не с кем.
 Нет страны... Ей героев своих пережить —
 Не пришлось. И уже не купить
 Прежней славы своей и забытых побед, —
 Ты прости мою душу заблудшую, дед...

16.02.2010

Влад Павловский

Совесьть

*На картину Мориса Эшера
 “Святой Франциск (проповедь птицам)”*

Сорока принесла дурные вести,
 Что люди, ожидая палача,
 Пинали старика на лобном месте,
 А он им улыбался и молчал.

Благие устремления Франциска,
 Худая доля Вечного жида -
 Едины для того, кто реет низко
 И никогда за веру не страдал.

Смирение имеющего совесьть
 Сильнее оголтелых голосов,
 Поэтому веками длится повесть
 Судилища стервятников и сов.

Шевелятся уста не Бога ради,
 Речениями ближнего гнобя,
 Но стыдно даже думать о награде,
 Когда ты побеждаешь не себя.

+++

Ворона принесла иные вести,
 Что мы, не дожидаясь палача,
 Распяли старика на лобном месте,
 А он благодарил и не кричал.

Вершили суд моральные калеки,
 А стопы принимали третий гвоздь
 За то, что процветает в человеке
 Его нечеловеческая злость.

За то, что нам от неба надо много,
За мота и раба своей мошны,
За всех, кто упивается тревогой,
Кому страданья ближнего смешны.

А он учил последним поделиться
И не таить в карманах ничего,
И каждая расхристанная птица
Была у Бога, слушая его.

Тимур Раджабов

Московское небо слегка поседело...

Московское небо слегка поседело.
Ноябрь. Двенадцатый час.
Грустить далеко не веселое дело,
Поедем со мной на Кавказ!

В моем Дагестане и горе - не горе,
И камень - бесценный кристалл.
Зеленое море, зеленые горы,
Зеленые сосны у скал.

На миг оторвись от широкой природы
Своих подмосковных полей,
Взгляни, как танцуют могучие туры
Под песни веселых людей.

Как встретит меня, словно юного бога,
Обычно суровый мой дед.
Старинным вином из янтарного рога -
За здоровье тысячу лет.

Московское небо слегка поседело.
Ноябрь. Двенадцатый час.
И жизнь без тебя - невеселое дело.
Поедем со мной на Кавказ!

Декабрина

Бьют ошибки

Бьют ошибки - те ли, эти ли - попадают точно в глаз.
Неслучайные свидетели сыпят байками про нас
На сплошную гололедицу, душу режут без ножа.
Овдовевшая медведица в небе ищет медвежат,
Не находит, горемычная. Не судьба их ей сыскать.

До чего же, тьма черничная, ты тоске моей близка!
 Жаль, не светит проклятушая кособокая луна.
 Ох, не в ту полезла гущу я, оттого-то и одна...
 От того или от этого, от кого-то я рожу...
 От кого - мне фиолетово. Безысходность множит ржу
 И толкает подзатыльником из коротких снов твоих.
 Отыскать бы собутыльника и распить бы на двоих,
 И надолго отключиться,и позабыть про этот ад.
 Кто рожден в лесу волчицею, в лес запросится назад
 Из хором-палат, из терема. Я тоску свою кляню,
 Я в окно смотрю потеряно, я в ночи ищу луну.
 Отыщу - навоюсь вдоволь я, что отныне не твоя...
 Ох, ты, долюшка бедовая, ох, ты, долюшка моя!
 Мы ведь, милый, не заметили, как не стало больше нас.
 Бьют ошибки - те ли, эти ли - попадают точно в глаз.

Но

Ночь начиналась всегда одинаково:
 В маленьком платьице, в туфельках лаковых
 Пьяной она выпадала в окно.
 Но
 Каждое утро в пятнадцать девятого,
 Чай не допив из пиалки салатовой,
 Спешно она выбегала из снов

И растворялась в привычной сумятице...
 Вечером будут и туфли, и платьице,
 И, безусловно, в бокале вино.
 Но
 Как же ей хочется, девочке маленькой,
 Туфельки вдруг заменить на сандалики,
 Выбросить платье, зашторить окно

И отменить эти ночи... Пророчества
 Старой цыганки - века одиночества
 И вековое падение... Где
 Тот, кто прорвется сквозь эти заслоны, и
 Вырвет из памяти ночи бессонные...
 Снова круги по воде -

Туфельки, платьица, снова падение...
 Смерть или сон... Или просто видение?
 Правда, что все решено?
 Правда, что боль у судьбы на припевочках?

Снова темнеет, и значит, что девочка
 Выпадет скоро в окно...
 Но..

Содержание

Ольга Абайкина

Мне узнать бы... Узнать, как ты	5
Я не смирилась, не ропща	5
Приходишь ты, а я тебя браню	6
За то, что был несчастным пёс	6
На склоне лет	
крутом иль на пологом	7
Нет, заявив, созвездья мандарина ...	8
Я добирался полем и степью	8
Чужих планет далёкие огни	9
Ещё листвою без удержу болтая	9
Ты можешь стать и злее, и добрей ..	10
Обидой переполненную, чашу	10
Ноябрь стянул листву не вдруг	11
Тепло Покрова – роздых до зимы	12
Расплетались косы	
гребнем лебеды	12
В нашем тазике страстей	13

Михаил Абугов

Моя Россия,	
Бог с тобою (попытка ронделя)	14
Жена - от бога нам дана	14
Пятницы	16
Как пушинку жену я вознёс	16
Ночь завесила... ..	17
А говорил что я тебя люблю?	17
Я был счастлив безмерно	18

Елена Богачева

Разорвать кольцо из нежных рук	19
Нам лгут, мы лжем... ..	19
Всё будет хорошо	19
Моим друзьям с теплом	20

Виталий Бондарь

Мюнхгаузен	21
Мальвина	21
Ассоль. Курортный романс	22
Марианна	23
Вино из одуванчиков	23

Сергей Ворошилов

Лесное диво	25
На смерть собаки	25
Русь изначальная	26
Плутовка осень	27
Деревенька	27
Охотничья привальная	28
Огонь-девчонка	29
Купанье красного коня	29
Бабочка	30
Отцы и дети	30
Городской пейзаж	31

Деревьям	32
Летний вечер	32
На звезду	32
Зелёные туманы	33

Сергей Глухов

Только ты возвращайся!	34
Все по кругу. По кругу ходишь	34
О, как томительны	
минуты ожиданий!	35
Берег Эвроты, печальные ивы	35
Душа твоя измаялась	36
Тишина в коридоре	36
Вижу тело твое	37
Больше ты не ищешь	
взглядов любопытных	38
Любовь богов опаснее стихии	38

Татьяна Игнатьева

Замри, душа, и не считай минуты ...	40
Ни крошки, скатерть белая чиста	40
В пылу упрямых будней и сует	41
Когда жеманно и мечтательно	41
Под оплывших свеч мерцанье	42
Вот мой мирок, он прост и мал	42
Дао быть женщиной	43
Привстав на цыпочки,	
смотрю я из окна	44
Великой княжне Татьяне	44
Мои мальчишки выросли	45
Вот и солнце уже	
завершает свой радужный круг	45
Дождливо-домашнее	46
Расправляя ворсинки	
замёрших холстин	46
Бабушке	47

Линде Александр

Окурок года	48
Джим, Джим	48
Не-мо-та	49
Самурайская	49
Бой недосказан	50
Известила меня	50
Стоит Китайгородская стена	51
Нерпа	51
Хоть остёр меч - нечего сечь	52
...и туч литые якоря	52

Марта Эй

Разлуковский Мост	53
В старом парке	53
Немного Волги	54
Вчерашний день	54
Эти окна	55

Принцы	55
Кухонные посылочки	55
На память	56

Дмитрий Моденов

Че.Ша	57
От копчика до шейных позвонков ...	58
Цвета лимона	58
Пчелиный бог – Здесь и Сейчас	58
Трещины оконных рам	59

Юлия Нелюбова

Зелёный чай	
в фарфоровой посуде	60
На город сыплет белую труху...	60
Разбилось солнце	
в кровь о горизонт	61
Благовест	61
Когда надежда снова не сбылась ...	62
Ода поэту!	62
рго ОСЕНЬ	63
Ранним утром...	63
Корвет	64
Человек дождя	64
Елизавета Венгерская	65

Анна Павлова

Ручеёк журчит звонко, напевно... ..	67
Несложные сложны вопросы	67

Татьяна Ротанова (Вирява)

Вирява	68
Эрзянь Матор	68
Эрзянь кель	69
Иненармунь	70
ПРОРОК	70
Торпинге. Время мечей	71
СУНГИРЬ	72
Жить в хаосе желаний, мыслей, чувств.....	73

Светлова Лана

Женщина	74
Другая я теперь	74
Весна в душе	74
Мой мир...	75
Суть...	75
Снова встретим рассвет...	75
"Явь с невью встретиться смогла"	76
Потеряшка	76
Ты уходи...	76
С тобой останусь навсегда!!!	77
Не держи меня, не держи	77

Наиля Узурова

В угоду жанру просится накал	78
------------------------------------	----

Дорога	78
Ищи себя среди толпы	79
Когда на зеркале воды...	80
Песенка пирата	80
Отзовись, Поэт!	80
На Карловом мосту	81
Навылет пуля...	82
Когда ты будешь далеко...	82
Другой	82
Стремясь постигнуть тайнство любви...	83
Октябрьский сонет	83

Максим Шипицин

Комната смеха	84
Обида между нами проложила	84
Маленькая девочка	85
Все пророки, они ведь от Бога	85
Сегодня на улице дождь	86
Ты знаешь, рассветом сменяется вечер	86
Кому дано увериться в себе	87
Стеклокороб и бетон	87
Прошлым жить невозможно, однако	87
Палитры разбросав разнообразье ...	88
Проходя мимо окон	88
Восемнадцать минут - не срок	89
Екатеринбург	89
Неторопливостью в ночи	90
Нам листва не даёт покоя	90
На стекле осталась дымка	91
Простая надпись на стене	91
Снова утро, впереди рабочий день	91
Подлунный мир, он создан так	92
Лукавство - не порок	92
Удел свечи	92

Избранное

Сергей Стукало

Мои давно умершие друзья	93
Реквием 08.08.08	93
Ты прости	94

Влад Павловский

Совесь	95
--------------	----

Тимур Раджабов

Московское небо слегка поседело	96
--	----

Декабрина

Бьют ошибки	96
Но	97

Сергей Ворошилов
Я приеду утром

Я приеду утром, моя нежная.
Появлюсь неожиданно и нежданно
И в окошко ветку балоснежную
Брошу на ходу тебе из сада я.

Ты меня прости, прости немудрого.
Не кори за боль, разлуку, промахи.
Я вернусь с росой перламутровой,
В самый пик цветения черемухи.

Здесь у нас пурга и мгла неделями,
Спит за сопкой солнышко полярное,
Но сияет небо акварелями,
И поет про дом струна гитарная.

Скоро завершу дела сезонные.
А пока живу одной надеждою,
Как меня ты встретишь, полусонная,
И к груди прижмешься, моя нежная.